

Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 21. Небеса! Рухнули!

Yánchéng Tàishòushēng

За дверью кабинета Лу Ао, сложив ручки на груди, смотрел на Гу Бая со смертельно серьёзным выражением лица.

Гу Бай тоже отнёсся к этому со всей серьёзностью, загибая пальчики и отвечая на вопросы один за другим:

— Я не знаю, как я написал тест. И не знаю, сколько заданий сделал правильно. Потому что дядя доктор мне не сказал. Я знаю, сколько будет один плюс один — два. Но я не знаю, делает ли знание этого маленьким гением.

Бесконечные «знаю» и «не знаю», вылетающие из уст Гу Бая, сводили с ума присутствующих взрослых.

Что вообще пытается сказать этот ребёнок?

Только Лу Ао знал!

Он знал, что Гу Бай — не маленький гений. Потому что настоящий гений не стал бы так косноязычно выражаться.

Лишь он, Лу Ао, был истинным маленьким гением!

Сегодня он поразит всех, затмит главного героя... нет, победит главного героя, и у его папы с большим папой глаза на лоб полезут от изумления!

Погрузившись в свои прекрасные фантазии, Лу Ао невольно подбоченился, выпятил грудь, задрав подбородок, и устремил на главного героя высокомерный, презрительный взгляд с высоты своего величия.

В душе он уже праздновал полную победу!

Муа-ха-ха!

Стоп, это папин смех. Смех босса должен звучать так...

Хм-хм!

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань, стоявшие рядом, молча наблюдали за его сменяющимися выражениями и подняли руки, чтобы почесать затылки — точнее, переплели пальцы и стали чесать друг другу затылки.

— Лу Синъюань, кажется, тест на IQ не нужен. Твой сын уже спятил.

— Сяо Юй, это наш сын.

— Думаю, ты спятил сильнее, так что, скорее всего, это ты ему передал.

— Не я. Я не спятил.

— Может... сначала заберём его домой? Мне нужно перестроиться психологически. Если тест

покажет, что он маленький дурачок, я тут же упаду в обморок.

В этот момент Гу Бай осторожно протянул руку и потянул за рукав Лу Ао:

— Аоао?

Лу Ао очнулся и повернулся к нему:

— Чего?

— Боюсь, что ты сейчас воспаришь в небеса и улетишь.

— Люди не умеют летать.

Вот и ещё одно неоспоримое доказательство того, что главный герой — маленький дурачок!

Лу Ао сдержал чрезмерную улыбку на лице и под пристальными взглядами всех присутствующих, заложив руки за спину, неторопливо подошёл к скамейке у двери кабинета, вскарабкался на неё и уселся.

Настоящий босс не должен показывать свои эмоции.

Цзян Чжюй сел рядом с ним и, что было редкостью, заговорил с ним мягким, ласковым голосом:

— Аоао, тебе не нужно так волноваться. Это всего лишь обычный тест. Даже если результат будет не очень — ничего страшного. Мы с большим папой будем счастливы, если ты просто будешь расти счастливым.

Цзян Чжюй пришлось не только самому психологически готовиться, но и готовить Лу Ао — боялся, что тот, не выдержав результатов теста, устроит эмоциональный взрыв прямо на месте.

Лу Ао же излучал уверенность:

— Жди, Цзян Чжюй. Ты будешь мной гордиться.

— Э-э... — Цзян Чжюй сглотнул. Жди... Звучало, как угроза злодея.

Он нервно рассмеялся:

— Что ж, папа с нетерпением ждёт.

— М-м, — Лу Ао, по-прежнему сложив ручки, мысленно повторял «ABCD» и спокойно ждал начала теста.

Через пять минут дверь кабинета открылась изнутри.

Папа и большой папа Гу Бая — Гу Юньфань и Чжоу Шо — вышли наружу.

Они были одеты так же, как и при встрече позавчера: Гу Юньфань — в деловой костюм, Чжоу Шо — в свою обычную удобную одежду.

Но в руках у них не было никаких бумажных отчётов или документов. Видимо, всё необходимое они уже обсудили со специалистом в разговоре.

Гу Бай подошёл спросить, как он написал. Они лишь погладили его по голове и сказали, что он справился отлично.

Типичные утешительные слова для маленького недотёпы!

Лу Ао мгновенно раскусил это. Когда специалист назвал его имя, он соскользнул со скамейки.

Он поправил воротничок, сказал Цзян Чжиюю и Лу Синъюаню: «Ждите меня снаружи», — и уверенной походкой шагнул в кабинет.

Он подошёл прямо к специалисту, протянул маленькую ручку и заявил серьёзным тоном:

— Здравствуйте.

Специалист опешил, неуверенно пожал ему руку:

— Здравствуй, малыш?

— Сегодня мы добавили вам работы, — Лу Ао слегка кивнул, затем развернулся, вскарабкался на стул напротив специалиста и объявил: — Можете начинать.

— Э-э... Ладно, тогда мы сейчас... начнём... начнём...

Лу Ао вёл себя так деловито, словно по протоколу, что специалист совершенно растерялся.

Он даже забыл, что должен делать в первую очередь.

Специалист засуетился: тронул бумажные тесты на столе, ткнул в компьютер перед собой, и наконец схватил очки, висевшие на кармане халата, и надел их.

Только разглядев как следует окружающую обстановку, специалист громко провозгласил:

— Начинаем!

Это же был его кабинет, где он проработал целых десять лет! Как же так получилось, что маленький соплик тут хозяином положения стал?

Доктор Хао, соберись!

— И опять! — за односторонним стеклом за спиной Лу Ао Цзян Чжиюй пошатнулся и рухнул без чувств прямо в объятия Лу Синъюаня.

Это уже было в прошлый раз: когда врач обходил палаты, Лу Ао вёл себя точно так же. опередить противника, перехватить инициативу, стать хозяином положения — и нанести финальный удар! К.О.!

Лу Синъюань похлопал его по щеке, пощипал жэньчжун¹:

— Сяо Юй, что с тобой? Мне кажется, он отлично справляется.

Примечание 1: 睛中 (réngzhōng): точка акупунктуры под носом, над верхней губой. Пощипывание или надавливание на нее — распространенный в Китае народный метод оказания первой помощи при обмороке или шоке.

Цзян Чжюй недоверчиво поднял голову и вцепился в воротник его рубашки:

— Лу Синъюань, я так и знал! Это точно ты его научил!

— Да невиновен я, ваша честь сяо Юй!

Эксперт не стал спрашивать ни про древние стихи, ни про английский алфавит.

Сначала он спросил Лу Ао, как его зовут, потом — мальчик он или девочка, сколько ему лет и с кем он живёт. Лу Ао посмотрел на него взглядом, полным сомнения в умственных способностях собеседника, а затем протянул маленькую ручонку и ткнул пальчиком в тестовый бланк в руках эксперта, напоминая:

— Здесь всё написано.

Эксперт молчал.

Лу Ао добавил:

— Я бы не стал задавать такие глупые вопросы, чтобы наладить контакт.

Он поднял руку и указал на бейджик на белом халате эксперта:

— Вас зовут «Хао Чжуань», пол мужской, здесь всё есть. Давайте уже начнём.

Эксперт снова погрузился в молчание, потом наконец провёл рукой по лицу и отвернулся. Это было самое сокрушительное поражение за всю его карьеру.

Лу Ао тоже был в недоумении. Он обернулся и посмотрел на одностороннее стекло позади. Он знал процедуру таких психологических тестов. Как родители, Цзян Чжюй и Лу Синъюань наверняка наблюдали за ним из-за этого стекла. Лу Ао хотел спросить их: «Это и есть ваш эксперт? Да я, малыш, и то справлюсь лучше!»

За стеклом Цзян Чжюй поднял руку и шлёпнул Лу Синъюаня:

— Это и есть твой эксперт? Даже Лу Аоао лучше него.

Лу Синъюань молча запомнил эту фразу, собираясь позже спросить у дедушки Чжана: «Это и есть твой эксперт? Даже...»

Как бы то ни было, сменить специалиста уже было нельзя.

Эксперт достал тестовую тетрадь, открыл на нужной странице и велел Лу Ао приступить к заданиям. Там были задачи на логику с фигурами, на распознавание узоров и на поиск закономерностей.

— Малыш, теперь мы начинаем тест по-настоящему.

— Ладно, — Лу Ао сжал кулачки, собрался с духом и сосредоточенно взялся за дело.

Через полчаса эксперт закрыл тетрадь и нажал на кнопку звонка на столе.

Медсестра вошла в кабинет, чтобы вывести Лу Ао.

— А нельзя сразу сказать мне результат теста? — спросил Лу Ао.

— Извини, малыш Лу Аоао, но по правилам мы сначала должны сообщить результаты твоим родителям, а потом спросить их разрешение, можем ли мы рассказать тебе, — объяснил эксперт, сменив манеру общения на более взрослую, поняв, что Лу Ао развит не по годам.

— Ну ладно, — Лу Ао, как и ожидалось, воспринял это спокойно. — До свидания.

— До свидания.

Эксперт проводил взглядом Лу Ао, покидающего кабинет, затем повернулся и продолжил стучать по клавиатуре.

Когда Лу Ао вышел, семья Гу Бая уже ушла, в коридоре остались только он и медсестра.

Лу Ао сел на стул ближе всего к кабинету.

Медсестра принесла ему лимонную воду с мёдом и шоколадное печенье, чтобы он мог перекусить, и успокоила его:

— Малыш, подожди здесь немного. Папа и большой папа скоро выйдут.

— Хорошо, — Лу Ао с шумом глотнул медовой воды и наострил уши, прислушиваясь к происходящему внутри.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда из кабинета снова раздался звонок.

Лу Ао спрыгнул со стула, протянул медсестре пустую кружку и вежливо попросил налить ему ещё воды.

Как только медсестра отошла, Лу Ао тут же подбежал к двери кабинета. Вся его малышовая тушка прилипла к двери. Он повернул голову набок, расплющив пухлую щёчку, прижал ухо к поверхности и сосредоточенно ловил каждый звук изнутри.

Как он и ожидал, после звонка эксперта Цзян Чжиюй и Лу Синъюань, прятавшиеся за односторонним стеклом, вышли.

Лу Ао услышал звуки их взаимных приветствий.

— Доктор, спасибо за ваш труд. Наш Аоао действительно немного... особенный, вы постарались.

— Не то слово «особенный»... — в голосе эксперта слышалась лёгкая дрожь, — Он исключительно особенный. — Однако эксперт быстро взял себя в руки: — Прошу вас, родители, присаживайтесь. Сначала я кратко подведу итоги тестирования малыша Лу Аоао.

— Хорошо.

За дверью Лу Ао невольно расширил глаза и прижал ухо ещё сильнее, не желая пропустить ни единого слова похвалы от эксперта.

Лу Ао был уверен в себе!

Он мог поклясться, что во время теста проявил невиданные доселе ум, смелость и терпение!

— Уровень интеллекта малыша Аоао действительно очень высок. Результат теста достиг поразительных 143 баллов.

Всего на три балла выше, чем в прошлой жизни. Лу Ао надул губки, слегка разочарованный.

— Однако...

Однако что? Лу Ао снова насторожился.

Эксперт глубоко вдохнул:

— У малыша Аоао наблюдается серьёзное... хотя, пожалуй, не совсем серьёзное... просто... у малыша присутствуют черты всеобъемлющего нарциссизма.

Всеобъемлющий нарциссизм!

Нарциссизм!

Лу Ао, прилипший к двери, почувствовал, как его животик и пухлые щёчки трутся о дверное полотно. Вся его малышова субстанция, словно расплавленный мармеладный мишка, мягко сползла вниз, превратившись в лужицу сладкого сиропа.

Небеса! Рухнули!

<http://bllate.org/book/13911/1225884>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 22. Нарциссизм

Yánchéng Tàishòushēng

За дверью кабинета Лу Ао был похож на тот бесплатный магнитик, что прилагается к подарочному набору «Ванван»¹ — прилеплен к двери, но держится плохо. Дунул ветерок — и он потихоньку сползал вниз.

Примечание 1: 旺旺大礼包 (Wàngwàng dà lǐbāo): "Подарочный набор «Ванван»" — очень популярный в Китае бренд снеков (чипсы, крекеры, рисовые шарики и т.д.), особенно известный своими большими подарочными наборами, куда часто кладут небольшие игрушки или безделушки вроде магнитиков.

Его пухлые щёчки скрипели по дверному полотну, издавая звуки «скрип-скрип».

Внутри кабинета Цзян Чжуйюй, услышав шум, машинально обернулся.

Что это за странные звуки?

А перед ним доктор Хао продолжал объяснять:

— Так называемый всеобъемлющий нарциссизм, говоря простыми словами, это когда младенец считает себя центром мира, всемогущим существом. Он верит, что стоит ему лишь подумать о желании, как родители тут же его исполнят, а мир начнёт вращаться вокруг него. Такое психологическое состояние обычно присуще каждому человеку в младенчестве. Оно может сохраняться и в раннем детстве, и даже во взрослом возрасте. Вам, родителям, не стоит слишком беспокоиться. Малыш ещё совсем маленький, это можно постепенно

скорректировать...

— Родители? Эй, родитель? Вы меня слушаете? — эксперт заметил, что Цзян Чжюй отвлёкся, и окликнул его несколько раз.

Лу Синьюань тоже тихонько дёрнул его за рукав:

— Сяо Юй, что случилось?

— Простите, простите, — Цзян Чжюй очнулся и заспешил с извинениями. — Просто я подумал, что прежде чем углубляться в тему всеобъемлющего нарциссизма, нам нужно сделать кое-что ещё.

— Что именно? — удивился эксперт.

— Вот что... Подождите минутку, — Цзян Чжюй виновато улыбнулся эксперту, поднялся и направился к выходу.

Он остановился у двери, взялся за ручку, нажал вниз и потянул на себя...

— Ай!

Мягкий и упругий малыш, словно маленький снаряд, влетел внутрь вместе с дверью, пару раз подпрыгнул на полу и рухнул у самых ног Цзян Чжюя.

Лу Ао сжал кулачки и в ярости ударил ими по полу:

— Кто?! Кто это?!

— Я. Твой родной папа.

Услышав знакомый голос, Лу Ао сглотнул комок в горле. Когда он заговорил снова, в его голосе явно слышалась обида:

— Цзян Чжюй! Ну зачем ты так? Я же упал!

— Лу Аоао, я как раз хотел спросить, что ты там подглядываешь подозрительно, как щенок!

— Правильно будет «подозрительно, как привидение»!² — даже в такой момент Лу Ао не забыл поправить его ошибку в словах.

Примечание 2: 鬼狗 (gǒu gǒu suì suì): Дословно "подозрительно как собака/щенок". Это намеренное искажение Цзян Чжюем правильной идиомы 鬼鬼 (guǐ guǐ suì suì) — "подозрительно как привидение", "крадучись, тайком". Ошибка возникает из-за схожести звучания 狗 (gǒu - собака) и 鬼 (guǐ - привидение, демон).

Так, чтобы Цзян Чжюй не видел, Лу Ао изо всех сил вытер глаза, а затем ухватился за его брючину, пытаясь подняться сам.

— Лу Аоао! — Цзян Чжюй стремительно ухватился за ремень и крикнул. — Не тяни папины брюки!

Лу Ао обиделся ещё сильнее и крикнул в ответ:

— Но я не могу подняться!

Цзян Чжуй виноват в его падении: не поднял, не поддержал, ещё и ругается. Противный Цзян Чжуй! Он решил не разговаривать с ним три дня...

В следующую же секунду Цзян Чжуй наклонился, протянул руки и поднял его.

Лу Синьюань достал из детской сумки салфетку, чтобы вытереть ему слёзы.

Но Лу Ао резко отвернулся, уклонившись от его руки, демонстрируя протест.

Цзян Чжуй держал его на руках, слегка подбросил и нарочито спросил:

— Ну чего дуешься?

Лу Ао молчал, лишь дышал ещё тяжелее. Его маленькая грудь вздымалась, словно у разъярённого телёнка.

— Это же ты сам подслушивал за дверью, как папа разговаривает с экспертом, да ещё чуть не стянул с папы брюки. Папа даже не сердится, а ты чего дуешься? Расскажи папе, а? Хорошо?

Доведённый до крайности расспросами, Лу Ао повернулся и громко выпалил:

— Потому что я самовлюблённый! Я гигантский младенец! Вот я и злюсь! Доволен?!

Едва он договорил, как две наворачнувшиеся слезинки тут же скатились по щекам.

Он — всеобъемлющий нарцисс. Он — гигантский младенец. Он — ребёнок с психологическими проблемами.

Цзян Чжуй и Лу Синьюань уже услышали это от эксперта, а теперь ещё заставляют его самого повторить.

Противно! Противно...

Лу Ао вытирал глаза тыльной стороной ладони, пытаясь остановить плач. Так стыдно.

Но почему-то слёзы никак не хотели останавливаться.

Наверное, это тоже один из симптомов всеобъемлющего нарциссизма.

«Ничего страшного», — сказал он себе мысленно. — «Если Цзян Чжуй и Лу Синьюань не захотят его, он спокойно заживёт один. Станет богом фондового рынка — вот тогда они к нему поползут!»

Ведь он давно всё спланировал: уйти от тщеславного папы и холодного большого папы. Это входило в его планы. Ничего страшного.

Ничего страшного...

Цзян Чжуй вздохнул, мягко взял маленькую ручку Лу Ао и отвёл её от глаз:

— Ну всё, всё. Не три глазки руками. Пусть большой папа вытрет тебе салфеткой.

— Ни за что, хм! — не успел Лу Ао договорить, как его «хм!» вылетело вместе с соплями

пузырём.

Цзян Чжюй не сдержал смеха. Лу Ао посмотрел на него с потрясённым видом.

Я же плачу так горько, а ты ещё смеёшься?!

Лу Ао вцепился в воротник рубашки Цзян Чжюя, яростно бросился вперёд, словно разъярённый бычок, намереваясь вытереть все невысохшие слёзы и сопли о его одежду.

Цзян Чжюй побледнел от ужаса:

— Прекрати! Лу Аоао, папа виноват! Быстро прекрати!

Разговор двух родителей со специалистом пришлось временно прервать.

Цзян Чжюй усадил Лу Ао к себе на колени на диване. Лу Синъюань сидел рядом, спокойно вытирая платочком маленькие ручки Аоао.

Цзян Чжюй мягко произнёс:

— Аоао, ты там за дверью не расслышал и не дослушал до конца слова специалиста. Дядя специалист хотел сказать, что хотя у тебя есть крошечная-прекрошечная — размером с букашку — толика абсолютного нарциссизма, это нисколько не мешает тебе быть гениальным малышом с IQ в 143 балла. Верно?

Вне поля зрения Аоао Цзян Чжюй отчаянно подмигивал специалисту.

Специалист тут же кивнул в подтверждение:

— Да-да-да, именно это я и имел в виду.

Цзян Чжюй продолжил:

— Раз уж ты такой гениальный малыш, что такого в небольшой самовлюблённости? Самовлюблённый гений — тоже гений! У тебя же есть все основания для самовлюблённости, верно?

Лу Ао всё ещё сидел у него на руках, не кивая, не качая головой и не произнося ни слова.

— К тому же, самовлюблённость — это вовсе не неизлечимая смертельная болезнь. От неё не помрёшь, в собаку не превратишься, так чего же тут бояться?

— Но... — наконец проговорил Лу Ао, — у меня проблемы с психикой.

— Ну и что с того, что проблемы? Всего лишь мелкие недочёты! — Цзян Чжюй говорил с непоколебимой уверенностью. — Дядя специалист же сказал: не нужны ни уколы, ни лекарства. Всё само наладится, даже эта твоя простуда — и та серьёзнее! Даже если само не наладится — ничего страшного. В такой семье, как наша, с нашим достатком и положением, что такого в небольшой самовлюблённости? Нашей семье как раз нужен такой самовлюблённый властный босс! Твой большой папа — властный босс, но он совсем не самовлюблённый. Ты как раз заполняешь эту брешь! Любая проблема перестаёт быть проблемой, если мы отказываемся считать её таковой! — Цзян Чжюй знал толк в том, как

уговаривать ребёнка.

Его речи были настолько убедительными, что ошарашили не только Лу Ао, но и сидевшего рядом психолога.

Как же это логично! Этому господину Цзяну самому надо быть детским психологом!

— Более того, — Цзян Чжуй сделал драматическую паузу, — дядя специалист сказал, что абсолютный нарциссизм возникает у малышей, когда в раннем детстве о них недостаточно хорошо заботятся родители. Значит, нам с большим папой должно быть стыдно. Это мы с большим папой плохо о тебе заботились, вот ты таким и стал.

Цзян Чжуй склонился ниже, глядя на сына серьёзным, полным раскаяния взглядом:

— Аоао, прости нас.

В этот момент Лу Синьюань, закончив вытирать ему ручки, отбросил смятый платок и тоже устремил на Аоао сосредоточенный, серьёзный взгляд:

— Лу Ао, прости нас.

Лу Ао от удивления широко раскрыл глаза. Он смотрел на отцов, не веря своим ушам. Самовлюблённый Цзян Чжуй и холодный Лу Синьюань... они что, правда извиняются перед ним?

— Ты простишь нас с большим папой? — спросил Цзян Чжуй.

Лу Ао молчал. Тогда Цзян Чжуй прижал его к себе и принялся качать из стороны в сторону, прижимаясь щекой к его щеке и нежно потираясь. Он действовал совершенно бесстыдно:

— Аоао, ну простишь ты нас с большим папой? Мы же поняли, что были не правы! А? Не сердись больше, Аоао, папа знает, что ты самый терпеливый, самый великодушный, самый-самый лучший малыш на свете! Ну пожалуйста!

— Цзян Чжуй, отстань от меня! — Лу Ао попытался оттолкнуть его.

— Ни за что! Пока не простишь папу — никуда не уйду.

Цзян Чжуй, не унимаясь, не только продолжал прижиматься щекой, но и начал нарочито посылать ему воздушные поцелуи: чмок-чмок-чмок. Лу Ао буквально задыхался от его прилипчивости и, тяжело вздохнув с видом полной покорности судьбе, проговорил:

— Ладно уж, на этот раз прощаю.

Хотя его абсолютный нарциссизм и был связан с ними, но...

Раз уж папа так его умолял, что ещё оставалось малышу? Конечно же, простить.

— Однако, — Лу Ао резко сменил тон, — Лу Синьюаня я ещё не простил.

Лицо Лу Синьюаня помрачнело:

— Что ты сказал?

Лу Ао, совершая акт неслыханной дерзости, парировал:

— Ты же меня не умолял.

Лу Синъюань не мог поверить:

— Ты хочешь, чтобы я тебя умолял?

— Ага! Папа же меня умолял.

— Папа просто тебя успокаивает. Тебе лучше не переходить границы.

— Врёшь! Это я, зрелый малыш, снисхожу до незрелого папы. Так что лучше поскорее умоляй меня.

Между отцом и сыном сгущалось напряжение, словно потрескивало под высоким напряжением.

Цзян Чжиюй поспешил вмешаться:

— Ладно, ладно, не ссорьтесь! Я — незрелый сяо Юй, которому нужны снисходительность зрелого мужа и зрелого малыша. Устраивает?

Вот это уже другое дело.

Едва успокоив Лу Ао, они решили не продолжать обсуждение плана коррекции со специалистом. Можно было либо назначить другое время, либо попросить специалиста прислать письменные рекомендации.

Однако специалист заявил:

— Малыш ещё очень маленький, и с такими замечательными двумя папами рядом проблем, скорее всего, не возникнет. Я рекомендую пока воздержаться от вмешательства и просто понаблюдать год.

И на том спасибо.

Поблагодарив специалиста, Цзян Чжиюй взял Аоао на руки, Лу Синъюань подхватил сумки, и маленькое семейство собралось уходить.

На выходе из кабинета Цзян Чжиюй заметил молодую медсестру, стоявшую у двери. Она выглядела напряжённой, будто хотела что-то сказать, но не решалась подойти.

Цзян Чжиюй улыбнулся и, держа на руках Аоао, подошёл к ней:

— Всё в порядке, Аоао всегда такой. Мы с его большим папой порой и сами за ним иногда не можем уследить. Не волнуйтесь, я поговорю с администрацией, вашу зарплату не урежут. Аоао, быстрее скажи «прости», ты же создал сестричке медсестре проблемы на работе.

Лу Ао, теребя краешек рубашки и встретив серьёзный взгляд Цзян Чжиюя, наконец пробормотал:

— Простите.

Только тогда медсестра облегчённо выдохнула:

— Ничего страшного. В следующий раз не убегай куда попало.

Попрощавшись с медсестрой, троица направилась к выходу.

Цзян Чжюй сказал:

— Аоао, мы же будущие боссы. Нам нужно не только быть властными, но и уметь признавать ошибки, верно?

— Угу, — кивнул Лу Ао и, широко раскинув ручки, обнял Цзян Чжюя за шею.

На самом деле он и в прошлой жизни знал о своих психологических проблемах. Он просто не ожидал, что они перейдут с ним в новую жизнь, и что... что папа и большой папа их обнаружат.

Он не хотел, чтобы они знали. Это так стыдно. Так неловко.

Лу Ао уткнулся лицом в плечо Цзян Чжюя и тихонько спросил:

— Цзян Чжюй, а что вы будете делать, если я окажусь плохим ребёнком?

— Плохим ребёнком? Хм... — Цзян Чжюй задумался всерьёз.

Лу Синъюань невозмутимо произнёс:

— Сломался — починим. Починим — продолжим растить.

Цзян Чжюй тоже рассмеялся:

— Большой папа прав! Просто отправишься в «папину мастерскую по ремонту малышей» — и всё починят!

<http://bllate.org/book/13911/1225885>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 23. Выписка

Yánchéng Tàishòushēng

«Сломался — починим. Починим — продолжим растить».

Лу Ао остался не совсем доволен таким ответом.

Обхватив Цзян Чжюя за шею обеими ручонками и уткнувшись в его грудь, он уставился на Лу Синъюаня и с серьёзным видом поправил их:

— Я же не робот.

— Раз ты не маленький робот, тогда кто же ты? — поддразнил Цзян Чжюй. — Маленький холодильник? Телевизор? Мотоцикл, который плачет «жжжжжжж»?

Лу Ао от неожиданности широко раскрыл глаза и выпрямился на руках у Цзян Чжюя.

Что ты сказал?!

Цзян Чжюй, ничего не замечая, продолжал с упоением сочинять свою сказку:

— Однажды утром малыш-робот Аоао проснулся и обнаружил, что его голос изменился: вместо «жжжжжж» стал «гrrрромых-гrrрромых». Беда! Аоао заболел. Аоао тут же вскочил на свой любимый мотоцикл и, «гrrрромых-гrrрромых», примчался в мастерскую, которую держали папа и большой папа. Малыш-робот сквозь слёзы закричал: «Папа! Большой Папа! Беда! Я превратился в плохого роботёнка!» Тогда папа сразу же отключил малышу-роботу питание, а большой папа начал его осматривать. Осмотр показал, что...

— Цзян Чжиюй! — Лу Ао не выдержал и громко перебил его рассказ.

— М-м? — Цзян Чжиюй засмеялся, его глаза превратились в весёлые полумесяцы. — Аоао не хочет слушать сказку?

— Не хочу! — Лу Ао категорически отказался.

Он не хотел слушать сказку про себя самого, ну и...

— ...Всё равно в конце мастерская починит малыша-робота, да?

— Точно! Папа и большой папа — настоящие волшебные лекари, их золотые руки творят чудеса. Они мигом вылечат малыша-робота.

Услышав это, Лу Ао только тогда осознал, что невольно проговорил свои мысли вслух. Он поспешно поднял обе ручки и прикрыл рот, делая вид, что ничего не произошло.

Взгляд Лу Синьюаня стал пристальным. Он протянул руку и стряхнул крошечный бумажный сор, прилипший к руке сына — вероятно, остаток от платочка, которым вытирали его слёзы.

Тем временем было уже около полудня. Солнце висело прямо над головой, и его лучи слепили глаза. Маленькое семейство выбрало дорожку через сад — там тень деревьев давала прохладу.

Не успели они пройти и нескольких шагов, как Цзян Чжиюй вдруг что-то вспомнил и воскликнул:

— О нет!

Лу Синьюань остановился:

— Сяо Юй, что случилось?

— Я кое-что забыл взять! — Цзян Чжиюй тут же сунул Лу Ао в его объятия. — Ты с Аоао подожди меня здесь, я сейчас вернусь!

— Что забыл? Я схожу.

— Нет, я сам! Ты посиди с Аоао в тени, не загорай!

Лу Синьюань сделал пару шагов вслед, но Цзян Чжиюй был словно юркая рыбка: махнул хвостиком — и фьють! — уплыл.

Делать нечего. Лу Синьюаню оставалось лишь «подать» Лу Ао и отойти с ним под тень придорожных деревьев.

Да, именно подать. В отличие от Цзян Чжиюя, который одной рукой придерживал Аоао за коротенькие ножки, а другой поддерживал спинку, Лу Синьюань взял сына так: обеими руками

подхватил его под ножки, позволив спинке опереться о свою грудь.

У Лу Ао возникло стойкое ощущение, будто он — блюдо на подносе.

Он поднял голову и уставился на Лу Синъюаня серьёзным взглядом.

Лу Синъюань тоже опустил взгляд, серьёзно глядя на него.

Отец и сын, оба немногословные «властные боссы», уставились друг на друга, не зная, что сказать. Тишина.

Одна секунда... две... три...

Наконец Лу Синъюань нарушил молчание:

— Не хочешь пить? Водички?

Лу Ао покачал головой, вежливо поблагодарив:

— Спасибо, не хочу.

На этом диалог вполне мог бы завершиться. Но в следующее мгновение Лу Синъюань заявил:

— Столько проплакал — наверняка обезвожен.

Лу Ао поперхнулся.

Ты... ты-ты-ты совсем без эмоционального интеллекта?! Тыкаешь в самое больное место!

Лу Синъюань снял через плечо детскую бутылочку для воды, открутил крышку и протянул Лу Ао:

— Пей.

Лу Ао ухватил бутылочку обеими ручонками и изо всех сил чавкнул!

Противный Лу Синъюань! В сто раз противнее Цзян Чжиюя!

Вдруг Лу Синъюань снова заговорил:

— Я же уже напоминал тебе: не называй папу по полному имени.

— Папа ведь ничего не говорит.

— Но папе всё равно обидно.

— Но...

На самом деле Лу Ао пару раз и сам называл его «папой», но лишь случайно, не задумываясь. А вот собраться и сознательно, осознанно произнести «папа» — на это он пока был не способен.

— Если что-то нужно — зови меня по полному имени.

— Ладно, — Лу Ао помедлил, затем позвал: — Лу Синъюань.

— Угу, — отозвался тот.

И как раз в этот момент с дальнего конца аллеи донёлся весёлый голос Цзян Чжиюя:

— Я вернууулся!

Взгляды отца и сына одновременно вспыхнули. Они синхронно повернули головы на звук — даже амплитуда поворота была идентичной.

И вот Цзян Чжиюй, держа в руках прозрачную папку для документов, подбежал обратно.

Лу Синъюань, всё так же «подавая» Лу Ао, двинулся ему навстречу:

— Сяо Юй.

— Цзян... Что ты взял?

— Смотрите! — Цзян Чжиюй поднял папку и лихо крутанул её перед ними. — Отчёт о тестировании IQ Аоао! Это же отчёт на целых 143 балла! Его обязательно нужно было забрать!

Он прижал папку к груди:

— Вернёмся домой — вынем страничку с баллами, вставим в рамку под стекло и повесим на стену! Рядом с нашей бизнес-лицензией! Пусть все, кто приходят к нам за покупками, видят, что Аоао — гениальный малыш!

Лу Ао почувал неладное. Что за «наша бизнес-лицензия»? И кто эти «приходящие к нам за покупками»?

Но раздумывать было некогда. Он громко запротестовал:

— Не надо!

В прошлой жизни он был мал и глуп, но теперь он твёрдо откажется! Он не позволит вывешивать отчёт на всеобщее обозрение! Не позволит оставить в детстве такое «тёмное прошлое»!

Цзян Чжиюй нарочито переспросил:

— Правда не надо? Такие высокие баллы — и не похвастаться? Если только мы трое будем знать — это же так обидно!

— М-м... — Лу Ао заколебался.

Ведь... это же не «тёмное прошлое», правда? Такие высокие баллы — это скорее «светлое прошлое», «славная история», «блистательная страница».

Лу Ао покраснел, и голос его стал тише:

— Не надо...

— Раз Аоао не хочет хвастаться, папа сейчас же вернёт отчёт обратно, — Цзян Чжиюй развернулся, чтобы уйти.

Лу Синъюань тоже сказал:

— Сяо Юй, останься с ним. Я схожу.

— Ладно!

— Погодите! — увидев, что Лу Синъюань уже готов идти, Лу Ао поспешно окликнул их. — Не надо...

— Папа знает, ты не хочешь вешать отчёт на стену. Большой папа как раз собирается вернуть его.

— М-м... надо... — Лу Ао-монстрик приоткрыл ротик и тихонько... проглотил то самое первое «не». — Надо... повесить...

В общей сложности семья провела в больнице почти неделю.

Последние несколько дней состояние Лу Ао было отличным: ни температуры, ни кашля, а уж тем более ночных пробежек и буйств.

Вечером того дня врач и медсестра, как обычно, пришли на осмотр. Врач, просматривая записи о состоянии за эти дни, сказал:

— Малыш идёт на поправку. Последняя ночь наблюдения — если за ночь ничего не случится, завтра выписываемся домой.

— Ура-а! Спасибо, доктор! — Цзян Чжиюй ликовал, а в глазах Лу Синъюаня мелькнула улыбка.

Лу Ао, сидя на больничной койке, потрогал свою головку и тоже невольно заволновался.

Домой!

В прошлой жизни, будучи подростком, после очередного кошмара он схватил бейсбольную битку и разнёс родной дом вдребезги. Потом, по совету психолога, переехал в другое место.

Он давно забыл, как выглядел дом, где жил трёхлетним.

И вдруг ему дико захотелось увидеть его снова.

Этой ночью очередь укачивать его выпала Цзян Чжиюю. Закрыв глаза, Лу Ао стал представлять дом.

Наверное, это будет огромный-преогромный особняк — при финансовых возможностях корпорации «Лу» он вряд ли будет маленьким. Возможно, целое поместье, занимающее целый холм.

Наверняка там будет огромный-преогромный газон — детям же нужны игры на свежем воздухе! Ещё обязательно должна быть гигантская комната для перекусов, домашний кинотеатр и конференц-зал — чтобы удовлетворить потребности каждого члена семьи.

И ещё... ещё...

И ещё — его отчёт о тестировании IQ должен висеть в прихожей!

Думая об этом, Лу Ао незаметно для себя уснул.

Всю ночь ему не снилось ничего, и он проспал крепко и сладко, уткнувшись в папину грудь.

<http://bllate.org/book/13911/1225886>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 24. Возвращение домой

Yánchéng Tàishòushēng

— Дорогой, этот снеговик не наш, он больничный.

— А? Но я помню...

— У нашего игрушечного шарф красный.

— Ага-ага, сейчас верну обратно.

— Дорогой, Лу Ао ещё не встал. Если ты сейчас уберёшь его тапочки, он будет босиком.

— Совсем забыл! Я так хочу домой!

В половину девятого утра Лу Ао, лёжа в постели, смутно слышал, как переговариваются Цзян Чжуй и Лу Синъюань. Оба говорили шёпотом, тихо-тихо, и голоса то приближались, то удалялись.

Какая-то невидимая сила подталкивала его открыть глаза.

Вставай! Быстро вставай! Не встанешь сейчас — папа и большой папа приберут твои игрушки и тапочки, а может, и вовсе оставят тебя одного в больнице!

Нет! Он не хочет оставаться один...

В следующее мгновение Лу Ао резко распахнул глаза и подскочил на кровати.

Цзян Чжуй и Лу Синъюань замерли на месте, словно пойманные на месте преступления: один с книжкой-раскраской Аоао в руках, другой с его крошечными тапочками — оба согнулись в три погибели.

Молодые супруги медленно повернули головы и встретились взглядом с Лу Ао.

Цзян Чжуй поднял руку и легонько помахал:

— Привет, Аоао, проснулся?

Лу Ао потёр глаза, его лицо выражало сложную гамму чувств:

— Что вы двое делаете?

— Доктор только что заходил, сказал — выписываемся! Мы с большим папой как раз вещи собираем, — Цзян Чжуй боялся разбудить Аоао, но его сердце рвалось домой, так что он начал со своих вещей.

Лу Ао тогда всё ещё спал, и тогда Цзян Чжуй, взяв Лу Синъюаня, выкатил два больших

чемодана в коридор и, словно муравьи, таскающие поклажу, они принялись потихоньку выносить вещи Аоао.

Лу Ао нахмурился, испытывая полнейшее недоумение.

Неужели так уж невтерпёж домой? Разве вы не те самые — один кутит напропалую, а другой пропадает на работе, и ни один домой не возвращается?

— Раз проснулся — вставай скорее, не сиди столбом! Лу Синъюань, вперёд! — скомандовал Цзян Чжюй.

Едва прозвучала команда, Лу Синъюань тут же отложил книжку, широко шагнул к кровати Лу Ао и вытащил его из-под одеяла.

Лу Ао вздрогнул от неожиданности и начал дрыгать ногами:

— Отпусти меня! Лу Синъюань, отпусти!

Но малыш оказался бессилён против большого папы — бунт был жестоко подавлен.

Цзян Чжюй поставил его тапочки перед умывальником, а Лу Синъюань поставил его самого на тапочки:

— Встань как следует.

Цзян Чжюй добавил:

— Десять минут на умывание и чистку зубов.

— Ладно, — буркнул Лу Ао, потянувшись за кружкой и зубной щёткой.

Они даже пасту ему выдавили! До чего же им невтерпёж?!

Полчаса спустя.

Лу Ао умылся, позавтракал и облачился в комбинезон цвета яичного желтка с принтом солнечной яичницы.

Уж больно не хотелось покидать больницу в пижаме. Это был результат десятиминутных мучительных поисков — единственный хоть сколько-нибудь сносный наряд.

Опять же, вкус у Цзян Чжюя — просто катастрофа. На этом комбинезоне не только красовалась гигантская глазунья на груди, но и застёжки на лямках были в форме яичницы. Лу Ао пришлось буквально закрыть глаза и заставить себя надеть это.

Налегке, лишь с крошечным прозрачным рюкзачком в виде желе, где лежали его игрушки и книжка, Лу Ао был готов.

Цзян Чжюй взвалил на спину рюкзак с мелочами, Лу Синъюань и дедушка Чжан повезли по два чемодана.

Четвёрка спустилась на лифте на первый этаж и направилась к парковке.

По пути они столкнулись с семьёй Гу Бая — те тоже с багажом шли к машинам. Увидев Лу Ао, Гу Бай буквально засиял и прилип к нему:

— Аоао, ты тоже сегодня выписываешься!

— Угу, — слегка кивнул Лу Ао.

— Тогда нам по пути! Так хоть присмотрим друг за другом в дороге!

Чжоу Шо лишь безнадежно покачал головой:

— Ты хоть знаешь, что значит «присмотреть»? Выбираешь слово, не понимая.

— Конечно знаю! — захихикал Гу Бай. — Это значит позаботиться!

Лу Ао на мгновение задумался:

— Мы что, живём рядом?

— Верно.

Похоже, это были два соседних поместья. Богачи всегда селятся в одном районе.

Лу Ао решил, что в этом есть смысл, и кивнул.

В этот момент Чжоу Шо снова заговорил:

— Сяо Бай, разве ты только что не говорил, что сможешь папе донести вещи? Как же ты убежал?

— Иду! — откликнулся Гу Бай и наконец, повернувшись к Лу Ао, сказал: — Аоао, я пошёл помогать папе. Если тебе понадобится помощь в чём-то, зови меня, хорошо?

— Угу.

Гу Бай засеменил ножками вперёд, чтобы помочь Гу Юньфаню нести плетёную сумку.

Лу Ао повернулся и посмотрел на Цзян Чжиюя и Лу Синьюаня.

Лу Синьюань был таким рослым, в помощи, наверное, не нуждался.

А у Цзян Чжиюя был только рюкзак за спиной, в руках он ничего не нёс.

Лу Ао сжал губки, а затем подошёл к Цзян Чжиюю сзади, поднял свои маленькие ручки и подставил их под рюкзак Цзян Чжиюя, чтобы облегчить ему ношу.

Цзян Чжиюй, казалось, совершенно этого не замечал. Только когда они дошли до парковки, он с удивлением обернулся.

— Вау, спасибо, Аоао! Папа только подумал, почему рюкзак по дороге вдруг стал легче! Оказывается, это Аоао поддерживал! Большое спасибо тебе, Аоао!

Личико Лу Ао покраснело. Он прокашлялся, сохраняя серьёзный тон:

— У тебя слишком слабая бдительность. А вдруг бы это был вор?

— Ничего страшного, никто не станет красть твою пижаму с коровьим узором. Даже если украдут — не беда, папа купил тебе три комплекта.

— ...

Попрошавшись с семьёй Гу Бая, они подошли к знакомому маленькому розовому электромобилю.

Лу Ао нахмурился, его взгляд, полный сложных чувств, устремился на Лу Синъюаня.

Президент корпорации «Лу»! Где твой «Майбах»? Где твой «Порше»? Где твой удлинённый «Роллс-Ройс»?

Почему опять эта мини-машинка?

Какой же ты неспособный, раз едешь на машине жены!

Лу Синъюань ничего этого не заметил. Он открыл дверцу машины, сначала засунул свой чемодан в щель между задними сиденьями, а затем придавил сверху рюкзаком с плеч Цзян Чжиюя.

Цзян Чжиюй же поднял Лу Ао на руки, обошёл машину к другой двери и усадил его в детское автокресло.

— Аоао, потерпи немного, посиди рядом с чемоданами. Не волнуйся, большой папа уложил их крепко, а папа водит очень плавно.

— М-м... — Лу Ао не нашёлся, что сказать.

Пристегнув его ремнём безопасности, Цзян Чжиюй сел на водительское место и помахал дедушке Чжану:

— Дедушка Чжан, садитесь в машину.

Как только дедушка Чжан устроился на переднем пассажирском сиденье, маленький электромобиль оказался заполнен под завязку.

Но что же тогда будет с Лу Синъюанем?

Лу Ао с недоумением уставился в окно.

Лу Синъюань взял оставшийся чемодан и поставил его... поставил рядом на маленький бирюзовый электросамокат!

Лу Ао никогда не замечал этот электросамокат!

Не веря своим глазам, он высунул голову из окна и широко раскрыл глаза.

Лу Синъюань закрепил чемодан перед сиденьем самоката, затем сел на него и надел чёрный шлем.

Движения были отработанными до автоматизма, лёгкими и непринуждёнными.

Ты ведь президент корпорации «Лу»! Что ты делаешь?!

Внезапно Цзян Чжюй нажал на клаксон, заставив Лу Ао вздрогнуть и очнуться.

Цзян Чжюй высунул голову из машины и крикнул Лу Синъюаню:

— Муж, готов?

— Готов, — Лу Синъюань повернул ключ зажигания самоката и кивнул. — Осторожней за рулём.

— Поехали!

Цзян Чжюй нажал на педаль газа, Лу Синъюань повернул ручку акселератора.

Вжжж! Маленький электромобиль и электросамокат тронулись одновременно.

Оставив позади облачко пыли и... напроочь снесённые мозги Лу Ао.

Что происходит?

Что случилось? Как это могло произойти?

Разве у богатой супружеской пары могут быть такие средства передвижения?!

Машина выехала с территории больницы. Проезжая мимо будки охраны, Цзян Чжюй поблагодарил помогавшего им охранника, а затем направил машину строго на запад.

Лу Синъюань на своём электросамокате неотступно следовал за ними.

Лу Ао не отрываясь следил за мелькавшими за окном пейзажами. Никаких небоскрёбов. Никаких потоков машин. И уж тем более — никаких неоновых огней ночных развлечений. Выехав из частной больницы и проехав два светофора, они оказывались во всё более и более глухой местности.

Сердце Лу Ао бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из горла.

Неужели папа и большой папа собираются продать его, как свинью?

Или же отвезут в глушь и выбросят, как мусор?

Лу Ао глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, и сжал кулачки размером с грецкий орех. Он твёрдо решил: если Цзян Чжюй и Лу Синъюань попытаются его продать, он даст им сдачи.

Каждому кулачком, а потом сбежит и запустит режим выживания в дикой природе.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока Лу Ао терзался сомнениями, но наконец машина остановилась.

Лу Ао резко повернул голову, и в его глазах отразилась огромная красная вывеска...

<http://bllate.org/book/13911/1225887>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 25. Наконец-то дома!

Yánchéng Tàishòushēng

Обшарпанные здания, облупившиеся стены, проржавевшая и местами отогнувшаяся жестяная

кровля.

Огромная безвкусно-красная вывеска маячила перед глазами, как призрак.

Она качалась, раскачивалась, плыла перед Лу Ао.

Где же его поместье? Где его огромный газон? Где его корпорация «Лу»?

Куда подевалась его огромная, мощная корпорация «Лу»?

Куда делась корпорация «Лу», которой он управлял в прошлой жизни и которая процветала под его руководством? Неужели она превратилась в...

Супермаркет «Всё под Небом»!1

Примечание 1: 海陆空 — буквально «Море-Суша-Небо Супермаркет». Название использует военную метафору (海陆空 — три рода войск: флот, сухопутные силы, авиация), чтобы передать идею большого ассортимента в магазине. Также это название может отсылать к распространённому термину, обозначающему "все стихии" (море, суша, воздух), часто используемому в названиях ресторанов (предлагающих блюда из морепродуктов, мяса и птицы) или всеохватывающих сервисов.

Магазин, который выглядел так, будто открыт уже сто лет, — обшарпанный, с красно-белым тентовым навесом над входом, у ворот которого стояли две детские качалки в виде Свинки Пеппы...

Супермаркет «Всё под Небом»!

В одно мгновение в голову Лу Ао хлынули все те мимолётные подозрения, что когда-то мелькали у него в мыслях.

Вот оно что!

Теперь понятно, почему Цзян Чжуй водит маленький электромобиль! Понятно, почему Лу Синьюань ездит на электросамокате!

Теперь ясно, почему Цзян Чжуй говорил, что повесит его тест на IQ рядом с лицензией на торговлю! Понятно, почему он хотел, чтобы все покупатели это видели!

Теперь ясно, почему Лу Синьюань говорил, что ассортимент у них больше, чем у родителей Гу Бая! Ещё бы! Они же держат магазин! Товаров у них — если не тысячи, то сотни наверняка, конечно, больше, чем у родителей Гу Бая!

Лу Ао сжал кулачки, весь малыш дрожал от возмущения.

Его обманули. Он, как самый последний простофиля, позволил себя так надуть.

Его корпорация «Лу» просто испарилась, улетучилась. Как же Цзян Чжуй и Лу Синьюань умудрились так растратить наследство, так быстро спустить целую империю?! Если бы он переродился чуть раньше, он бы обязательно смог переломить ситуацию, спасти корпорацию!

Но самое, самое, САМОЕ главное — они не просто открыли магазин, они дали ему такое убогое название!

Супермаркет «Всё под Небом»! Кто это вообще придумал?!

Даже гадать не надо, наверняка Цзян Чжиюй, с его ужасным вкусом...

Стоп. Цзян Чжиюй до сих пор не сказал ему выходить из машины. Может быть... может быть, он просто припарковался здесь, чтобы зайти в магазин за покупками?

В душе Лу Ао, похожей на выжженную пустыню, забрезжил лучик надежды.

Да, конечно, именно так и есть.

Лу Ао закрыл глаза и начал себя гипнотизировать. Этот магазин — не их дом. Они просто проезжают мимо. По дороге к роскошному поместью обязательно проедешь через окраины. Это нормально, это совершенно нормально...

— Аоао, ты чего завис? Мы приехали домой, — в следующее мгновение дверца рядом с Лу Ао распахнулась. Цзян Чжиюй наклонился внутрь, чтобы расстегнуть его ремни безопасности.

Лу Ао вздрогнул, очнулся от мыслей и в ужасе расширил глаза, вцепившись в ремень мёртвой хваткой:

— Я не выхожу.

— Добрался до дома — и не выходишь? — Цзян Чжиюй помахал двумя пальцами перед его носом. — Папа так хорошо водил, что ты проспал? Сколько пальцев?

— Это «два».

— Неправильно! Это «ура!»

Лу Ао посмотрел с неммым укором:

— Я не спал, я... — весь путь трясся от страха, что меня продадут. Он сжал кулачки и заявил твёрдо: — Всё равно не выйду. Я хочу обратно в больницу. Буду жить в больнице. Цзян Чжиюй, отвези меня обратно в больницу.

— Лу Аоао, — Цзян Чжиюй сделал строгое лицо и произнёс его имя с подчёркнутой серьёзностью. — Хочешь, чтобы папа звал тебя по полному имени? Папа считает до трёх. Три...

Лу Ао был потрясён:

— Как ты можешь сразу говорить «три»?!

— Я твой папа, поэтому могу. Давай, вылезай.

Знакомое чувство давления нахлынуло на Лу Ао, и он невольно медленно разжал пальчики, отпуская ремень безопасности.

Цзян Чжиюй, видя его медлительность, просто протянул руки и вытащил его из машины.

Лу Ао резко прижался к Цзян Чжиюю, обхватил его шею ручонками, уткнулся личиком в отцовскую шею и крепко зажмурился. Не хочу! Не хочу жить в магазине! Я ведь никогда не жил в магазине!

Цзян Чжуйюй коленом подтолкнул дверцу, закрыв её, а затем, держа сына на руках, остановился перед входом в магазин. Он шлёпнул Лу Ао по попке и сказал:

— Аоао, не надо так. Открой глазки, посмотри. Наш дом всё же довольно большой и симпатичный.

Лу Ао яростно замотал головой:

— Не хочу.

— Лу. Ао. Ао? — Цзян Чжуйюй произнёс его имя снова, по слогам. Услышав это, Лу Ао тут же повернул голову.

— Смотрю! Я смотрю!

И как раз в этот момент солнечные лучи, перевалив через огромную вывеску над головой Лу Ао, упали ему прямо на лицо.

Дедушка Чжан ключом открыл ручную роллетную дверь. Раздался лязг, и он с силой рванул её вверх.

Лу Синъюань припарковал свой электросамокат позади розового электромобиля Цзян Чжуйюя, взял в каждую руку по чемодану, закатил их внутрь магазина, затем развернулся, чтобы забрать рюкзак.

Солнце пробуждало всё уснувшее.

В следующий миг на этой самой улице рыбная лапшичная, забегаловка уток по-пекински, кондитерская, чайная с молочным чаем и закусочная с жареными шашлычками — все распахнули свои двери одновременно.

Солнечный свет падал на низенькие домики и облупившуюся плитку фасадов, разгоняя тени, окутывая этот мир позолочённым сиянием.

Лу Ао смотрел на открывшуюся перед ним картину, и его ротик невольно приоткрылся от изумления.

Улица Юнъань была не очень длинной улочкой, расположенной рядом со школой под названием «Старшая школа Сяочэн».

По обеим сторонам улицы тянулись в ряд частные дома, облицованные красной, белой или жёлтой плиткой. Они стояли на разной высоте, и каждый имел свой неповторимый облик. Поскольку это были частные постройки, ни одно здание не превышало четырёх этажей. Каждая семья вела небольшой бизнес, открыв магазинчик на первом этаже.

Магазин семьи Лу Ао по сравнению с соседними чайной и лапшичной занимал площадь как минимум в пять раз большую.

Более того, во всех остальных заведениях работали члены семьи, и только семья Лу Ао наняла дедушку Чжана в качестве старого сотрудника.

Так что слова, сказанные ранее Лу Синъюанем: «Что касается масштаба бизнеса, у нас

небольшое преимущество. По численности сотрудников мы немного впереди. А по ассортименту товаров мы лидируем с большим отрывом»...

...были отнюдь не пустой болтовнёй.

Лу Ао стоял перед роллетной дверью, одной ручкой опираясь о стену, и осторожно сделал шаг внутрь.

Он переступил порог магазина, и Цзян Чжуйюй щёлкнул выключателем, включив люминесцентные лампы.

Гуууум-гуууум. Длинные лампы дневного света одна за другой зажглись над головой Лу Ао, освещая ему путь вглубь магазина.

Слева от него находилась касса. На стойке лежало несколько упаковок мелких закусок и росло «деревце» чупа-чупсов, а на деревянной полке позади стояли несколько бутылок не слишком дорогого вина по несколько десятков юаней за штуку.

Справа расположился большой морозильный ларь для мороженого, напитков и заморозки, а также три вертикальных морозильника поменьше. Дальше шли десятки больших стеллажей с товарами. Всё было расставлено очень аккуратно и чисто.

Только сейчас Лу Ао понял, что его маленькая ручка опирается не на стену, а на сложенные друг на друга ящики с напитками.

Цзян Чжуйюй взял его за ручку и повёл дальше:

— Аоао, не бойся, заходи, посмотри. Это большой магазин, которым управляют папа и большой папа!

Лу Ао, ведомый отцом, шаг за шагом продвигался вглубь, проходя мимо чипсов, острых пшеничных полосок, желе, сосисок и острых куриных лапок.

Он крепко сжал пальцы Цзян Чжуйюй и невольно прижался к нему.

Лу Ао тихо спросил:

— Цзян Чжуйюй... а я... где я буду жить? Я буду спать вместе с этими закусками? Мне спать на полке? Или в ящике из-под напитков?

Если бы ему пришлось выбирать, он предпочёл бы спать в ящике из-под напитков. Ведь если спать на полке, кто-нибудь может принять тебя за товар и купить — это было бы совсем плохо.

— Пффф! — Цзян Чжуйюй не смог сдержать смешка.

Лу Синьюань, шагая сзади с чемоданами, ответил с серьёзным видом:

— Пластиковые ящики из-под напитков идут на переработку, картонные можно сдать за деньги. Спать в них тебе нельзя.

— Ха-ха-ха! — Цзян Чжуйюй расхохотался ещё громче.

Лу Ао нахмурил личико, обернулся и бросил на Лу Синьюаня по-настоящему злобный взгляд: «И ты ещё что-то говоришь?! Это всё из-за тебя! Будь ты расторопнее в зарабатывании денег,

нам бы не пришлось жить в магазине!»

Лу Синьюань тоже нахмурился, с недоумением глядя на сына: «Чего уставился? Я говорю правду — в ящиках из-под напитков спать действительно нельзя».

Лу Синьюань тут же пошёл жаловаться:

— Дорогой, Лу Ао на меня злобно смотрит.

Лу Ао остолбенел. Ты... ты-ты-ты как можешь быть таким бесхребетным?! Жить с супругом и сыном в магазине — это ещё куда ни шло, но как тебе не стыдно ябедничать супругу?!

Цзян Чжиюй, смеясь, погладил Лу Ао по голове:

— Не переживай, Аоао, у тебя будет своя собственная комнатка.

— М-м... — Лу Ао потупился и послушно зашагал рядом с отцом.

Кроме как плыть по течению, других вариантов у него сейчас не оставалось.

В дальнем углу магазина обнаружилась запертая белая дверца из деревянных досок. Цзян Чжиюй достал из кармана ключ, открыл замок и распахнул створку.

За дверцей открылся совершенно иной мир.

Мраморная лестница, перила из полой нержавеющей стали — типичная лестница частного дома, ведущая на верхние и нижние этажи.

Цзян Чжиюй объяснил Лу Ао:

— Внизу у нас склад для магазинных запасов, а наверху — наши жилые комнаты. Пойдём, посмотрим.

— Угу, — Лу Ао засеменял коротенькими ножками, шаг за шагом поднимаясь по ступенькам. Топ-топ.

— Папа и большой папа купили этот участок земли, построили здесь дом. Весь этот дом — наш. Мы лично контролировали планировку и ремонт от начала до конца. Надеюсь, не слишком уродливо получилось?

Не уродливо, но и не шикарно. Самый обычный частный дом: белая плитка на полу, побелённые стены. Однако внутренняя отделка была невероятно уютной: мило-белый диван, гусино-жёлтый обеденный стол, стулья и подушки всех цветов радуги — красные, оранжевые, синие, зелёные.

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь окно, падали на эту яркую, жизнерадостную мебель, словно пальцы, касающиеся клавиш пианино, рождая лёгкую, весёлую мелодию.

— На втором этаже гостиная, кухня, столовая и комната дедушки Чжана. А на третьем — твоя комната, и наши с большим папой комнаты.

Втроем они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, и Цзян Чжиюй указывал Лу Ао:

— Аоао, помнишь? Именно здесь у тебя случился жар, ты потерял сознание и упал с лестницы. Тогда папа как раз завтракал в столовой на втором этаже.

Лу Ао посмотрел в указанном направлении.

Смутные воспоминания постепенно прояснились. Он вспомнил: в день своего перерождения, с высокой температурой, он шёл именно по этой лестнице и схватился именно за эти перила.

Теперь, оглядываясь, он видел: столовая находилась далеко от лестницы, их разделяли несколько метров. И всё же Цзян Чжуй сумел за считанные секунды броситься вперёд и надёжно поймать его.

Лу Ао поднял голову и внимательно посмотрел на Цзян Чжуйю, тихонько проговорив:

— Спасибо тебе, Цзян... папа...

— Не за что, мы ведь родные отец и сын, — казалось, Цзян Чжуйю не расслышал его «папа», лишь небрежно махнул рукой. — Пойдём, посмотрим твою комнату.

— Хорошо.

Втроём, неся багаж, они поднялись на третий этаж.

Там было три комнаты и три двери.

Но Лу Ао с первого взгляда понял, какая комната — его. Небесно-голубая дверь, украшенная наклейкой маленького космонавта в скафандре, а на косяке — детский ростомер с разноцветными делениями.

Цзян Чжуйю мягко подтолкнул Лу Ао в спину. Тот шагнул вперёд и отворил дверь.

Комната была просторной. На полу — пёстрый ковёр, на стенах — голубые обои с космическим принтом: луна, звёзды, ракеты и космические корабли. У стены стояла большая кровать, застеленная мягким плюшевым покрывалом — всё оставалось точно таким же, как в день отъезда Лу Ао.

Охватившее его чувство было одновременно знакомым и новым. Беспokoйно стучавшее сердечко Лу Ао постепенно успокоилось.

Цзян Чжуйю нарочито спросил:

— Ну что, всё ещё хочешь вернуться жить в больницу?

Лу Ао не ответил прямо. Он лишь потянулся к чемодану в руках Лу Синьюаня:

— Давайте уже распакуем вещи.

Он останется жить здесь!

Их уже неделю не было дома, и кое-где уже скопилась пыль — пора было прибраться.

Лу Ао был во всеоружии. На нём был повязан маленький фартучек в цветочек, чтобы не

испачкать одежду. На лице – детская маска, защищающая от пыли. На голову надет целлофановый чепчик для душа, чтобы не запачкать волосы.

Цзян Чжиюй его так экипировал, а Лу Синьюань вложил ему в руку маленькую тряпочку.

— Свою комнату прибирай сам.

— Без проблем!

Пустяковое дело, пара пустяков!

И все трое членов семьи засуетились.

Лу Синьюань взял на себя пылесос и принялся чистить ковёр. Цзян Чжиюй вместе с Лу Ао сначала протёрли шкаф для одежды, а затем стали складывать туда вещи из чемодана. Они действовали слаженно и чётко: Цзян Чжиюй складывал одежду, а Лу Ао укладывал её в шкаф, образовав эффективно работающий конвейер.

Однако...

В очередной раз передавая сыну одежду, Цзян Чжиюй наклонился и с недоумением спросил:

— Аоао, а ты почему закрыл глаза? Ты же так ничего не видишь?

— Вижу, — отчеканил Лу Ао, не открывая глаз. — Эта одежда... немного... режет глаза.

Шортики с Губкой Бобом, полосатая пижамная кофта и курточка с мишкой – всё это было таким кричащим, что у него просто глаза болели, и он не мог на это смотреть.

— Режет глаза? — Цзян Чжиюй наклонился и понюхал одежду. — Папа не пачкал её острой лапшой, да и это же не «одежда в стиле хулиганчика»².

Примечание 2: Снова игра слов от Цзян Чжиюя. 辣 (là): Буквально означает "острый" (на вкус, как перец чили). 辣装 (là zhuāng): "Одежда в стиле хулиганчика". 辣 (là zǎi) – сленговое выражение, описывающее стиль или человека, стремящегося выглядеть круто, дерзко, "хулиганисто" (часто с оттенком вульгарности или чрезмерной старательности).

— Ну, я и так вижу, не обращай внимания, давай быстрее убирать.

Едва эти слова слетели с его губ, как Лу Ао левой ногой наступил на правую – и шлёп! – весь малыш кувыркком полетел прямо в шкаф.

Он замахал руками и ногами, барахтаясь в куче одежды, словно плыл, и перевернул все только что аккуратно сложенные вещи.

Цзян Чжиюй гневно крикнул:

— Лу! Ао! Ао!

А Лу Ао в ответ завопил:

— Ай! Мои глаза!

Троица вытерла мебель на втором и третьем этажах и дважды вымыла полы. Окна были распахнуты настежь, и тёплый ветерок врывается внутрь, неся с собой свежесть.

Цзян Чжюй потрепал Лу Ао по макушке:

— Пойдём, спустимся вниз, посмотрим, не нужна ли дедушке Чжану какая помощь.

— Ладно.

Пока они убирались наверху, дедушка Чжан присматривал за магазином на первом этаже.

Если уж ведёшь дело, надо подходить к нему серьёзно, нельзя работать спустя рукава – то с усердием, то с ленцой. Нельзя сегодня открыться, а завтра – нет.

Пока Лу Ао болел, Цзян Чжюй и Лу Синьюань дежурили в больнице, и именно дедушка Чжан исправно открывал супермаркет по графику. В данный момент дедушка Чжан сидел за кассой и смотрел телевизор.

Увидев, что они спускаются, он инстинктивно встал, собираясь обратиться к ним:

— Господин Цзян, Генеральный директор Лу...

— Кхм-кхм! — Цзян Чжюй нарочито кашлянул, напоминая ему.

Дедушка Чжан поспешно поправился:

— Большой босс, маленький босс.

Цзян Чжюй удовлетворённо улыбнулся. Вот так правильно.

На самом деле Лу Ао не обратил внимания на их маленькую пантомиму.

Малыш, заложив руки за спину, неспешно прохаживался между стеллажами, обозревая оставшиеся владения корпорации «Лу».

На данный момент ему оставалось лишь смириться с реальностью. Пусть даже папа и большой папа промотали всю корпорацию, ну и что? У него самого хватит способностей поднять это семейное дело, используя всего лишь этот маленький магазинчик, и вернуть все утраченные активы.

Девиз Малыша Дракона-Небодержца таков: никогда не сдаваться!

Лу Ао обошёл супермаркет кругом, после чего уверенно подошёл к Цзян Чжюю и Лу Синьюаню:

— Вы двое, немедленно перестройте выкладку товаров в магазине! Самые прибыльные позиции разместите на средних уровнях стеллажей. Затем пересчитайте товары на складе с истекающим сроком годности, составьте таблицу и предоставьте её мне. Я посмотрю, что можно пустить на распродажу со скидкой...

Лу Синьюань протянул руку и щёлкнул его по лбу.

Цзян Чжюй нахмурился:

— Кто это «вы двое»? Лу Аоао, кого это ты называешь «вы двое»? Неуважение к старшим, никакой субординации!

Лу Ао мгновенно вернулся в своё подлинное детское состояние. Он обиженно потирал лоб:

— Зачем щёлкать? Я же для вашего же блага стараюсь.

— М-м? Опять «вашего»?

Как раз в этот момент за дверью послышался голос Гу Бая:

— Привет, Аоао!

Лу Ао тут же подобрал выражение лица, приняв важный вид «зрелого малыша», и обернулся:

— Спрашиваю вас, что вам угодно?

— Папа послал меня купить кое-что, — Гу Бай поднял крепко сжатую правую ручку и подошёл к нему. — Папа сказал купить одну штуку... одну штуку...

Опа, он забыл.

— Одну штуку... жёлтую... прямоугольную... — Гу Бай чесал затылок, напрягая все силы мозга.

— Точно! Одну «Губку Боба»!

Лу Ао уточнил:

— Мочалку для посуды? Вы тоже уборку затеяли?

Гу Бай серьёзно закивал:

— Да-да-да! Папе нужна одна «Губка Боб», чтобы окна мыть. Аоао, ты такой умный!

Лу Ао с покорным видом потёр лоб и благодаря своей феноменальной памяти вспомнил, на каком стеллаже лежат мочалки. Он повернулся, чтобы принести её.

Раз уж товар покупает малыш, то и продавать ему должен малыш. Цзян Чжиюй и Лу Синъюань не вмешивались, лишь стояли рядом и с улыбкой наблюдали.

Лу Ао быстро вернулся с мочалкой:

— Одна мочалка — полтора юаня. Две мочалки — три юаня. Сколько вам нужно?

Гу Бай загибал пальцы:

— Одна... три... Аоао, ты слишком быстро говоришь.

— Ладно, сколько у тебя денег?

— Вот, смотри, — Гу Бай разжал крепко сжатую ладошку. Внутри лежали две одноюаневые монетки.

— Тогда даю тебе одну мочалку и сдачу — пять джао3.

Примечание 3: 1 юань (元, yuán/kuài) = 10 центов/джао (角, máo/jiǎo). Две монеты по 1 юаню =

2 юаня. Мочалка стоит 1.5 юаня (1 юань 5 центов/джао). Сдача с 2 юаней = 0.5 юаня = 5 центов/джао (五毛, wǔ máo qián).

— Сдачу не надо! Лучше дай мне пачку «Ми-ми»! Папа сказал, что оставшиеся пять центов я могу потратить на «Ми-ми»!

Когда дело дошло до покупки еды, Гу Бай внезапно перестал путаться.

Теперь была очередь Лу Ао растеряться. Он же только что осмотрел все товары в магазине вдоль и поперёк, но никаких «Ми-ми» не видел!

— Что это вообще за «Ми-ми»?

— «Ми-ми» — это и есть «Ми-ми».

— Ты не можешь говорить нормально?

— Я как раз нормально и говорю.

Два малыша вот-вот готовы были поссориться.

Вдруг сверху, прямо между ними, опустилась связка из нескольких пачек хрустящих палочек.

Цзян Чжиюй высоко держал пачки и спросил:

— Вот это? «Ми-ми», креветочные палочки?

— Да, именно они, — Гу Бай кивнул и потянулся за ними. — Я хочу купить одну пачку.

Лу Ао нахмурил лобик, присмотрелся и только тогда разглядел, что на оранжево-жёлтой упаковке палочек действительно написаны иероглифы «咪咪»⁴.

Примечание 4: 咪咪 (Mīmī): Это известная в Китае недорогая закуска - хрустящие тонкие соломки/палочки из кукурузы или риса, обычно со вкусом курицы, креветок и т.д. Упаковка часто стоит около 0.5 юаня. Название "咪咪" звукоподражательное (как мяуканье кошки "мяу-мяу") и запоминающееся для детей.

Креветочные палочки - так и говори «креветочные палочки», зачем «мими» какая-то. Просто бред какой-то.

Гу Бай взял одну пачку «Ми-ми», отдал Цзян Чжиюю два юаня монетами и подбежал к Лу Ао:

— Аоао, ты что, обиделся?

Лу Ао отвернулся:

— Не-а!

— Тогда давай вместе есть!

Не дожидаясь его отказа, Гу Бай тут же разорвал упаковку, схватил небольшую горсточку палочек и сунул ему в руку.

— На, они очень вкусные!

— Я такое не ем... — начал было Лу Ао, собираясь сказать, что это вредная еда, и он такое не употребляет. Но, увидев, с каким удовольствием ест Гу Бай и как щедро он с ним поделился, он вдруг не смог выговорить это. Ладно, разок можно, ничего страшного. Главное – потом побольше воды выпить и подвигаться.

Лу Ао двумя пальчиками подцепил одну маленькую палочку и сунул её в рот.

Хрум-хрум-хрум...

Незнакомый вкус... вроде бы ничего так.

Одна, вторая, третья...

— Аоао, попробуй съесть целую горсточку сразу – кайфово!

— Ешь помедленнее. Мы с тобой только что выздоровели, больше одной пачки точно нельзя.

— А? Тогда я буду помедленнее.

Два малыша стояли плечом к плечу у входа в супермаркет, хрум-хрум-хрум уплетая креветочные палочки, словно две маленькие белочки.

Но пачка с креветочными палочками и так была маленькой. Как медленно ни ешь, а всё равно кончится.

Гу Бай поднял пакетик вверх, запрокинул голову и высыпал оставшиеся крошки себе в рот:

— Всё.

Лу Ао защитным жестом прикрыл свои оставшиеся палочки:

— Это мои.

Гу Бай сглотнул слюну, с усилием отвёл взгляд и сказал с серьёзным видом:

— Раз отдал – значит твои. Я не стану забирать обратно.

Лу Ао, не спеша доедая свои палочки, оглядывал окрестности.

Вдруг Гу Бай спросил:

— Аоао, а ты знаешь, где я живу?

Лу Ао поднял руку и ткнул пальцем:

— Вон в той чайной с молочным чаем.

— Откуда ты знаешь?! — удивился Гу Бай.

— Тебя зовут Гу Бай, а та чайная называется «Гудбай Молочный Чай»5.

Примечание 5: 古德拜 (Gù de bái, Gǔdébài): Игра слов (каламбур) на основе омофонов (схожего звучания). Фамилия и имя главного героя 古白 (Gù Bái) звучат очень похоже на название чайной 古德拜 (Gǔdébài), которое является фонетической транскрипцией английского "Goodbye".

Гу Бай - Гудбай. Слишком просто. Лу Ао догадался моментально.

Гу Бай уставился на него сияющими от восхищения глазами:

— Аоао, ты просто гений!

Лу Ао сохранял ледяное спокойствие:

— Спасибо.

У антагониста дома - супермаркет. У главного героя дома - ларёк с молочным чаем. В душе Лу Ао наступило небольшое равновесие. Их семейный бизнес действительно круче, чем у главного героя! Причём круче не на чуть-чуть, а на порядки!

Лу Ао снова воспрял духом.

Именно в этот момент окно второго этажа чайной распахнулось, и Чжоу Шо высунулся наружу, громко крикнув:

— Гу Бай! Велел тебе купить одну вещь, а ты полдня не возвращаешься? Хватит прилипать к Аоао! Немедленно домой! Папе срочно нужно!

— Уже бегу! — отозвался Гу Бай, крикнул Лу Ао «Пока!» и бросился наутёк. Лу Ао напомнил ему:

— Ты свою мочалку забыл.

— Ой, — Гу Бай развернулся, влетел обратно в магазин, схватил мочалку у дедушки Чжана и стремглав помчался обратно в чайную.

Лу Ао отвёл взгляд, поднял голову и, жуя последние палочки, уставился на вывеску их магазина, погружившись в раздумья.

Чайная «Гудбай» названа в честь Гу Бая. А как же их супермаркет «Всё под Небом»?6?

Примечание 6: Напоминаю, что по-китайски название магазина 海陆空超市 (Hǎi Lù Kōng Chāoshì): буквально "Супермаркет Море-Суша-Воздух".

Лу Ао долго размышлял и смог додуматься только до:

«Море» (海, Hǎi) — это, наверное, Цзян Чжиюй, потому что рыбке (鱼, Yú — «маленькая рыбка») нужно плавать в море.

«Море» также могло быть и Лу Синьюанем, ведь «глубина» (渊, Yuān) связана с водной стихией.

«Суша» (陆, Lù) — это просто его фамилия, Лу.

А что же тогда «Воздух» (空, Kōng)? Что это?

Доев палочки, Лу Ао отряхнул ладошки, стряхивая приправу (папа ещё не научил его вкусно облизывать пальцы, так что он этого удовольствия не знал).

Он подошёл к Цзян Чжиюю и серьёзно задал свой вопрос. Цзян Чжиюй тоже открыл пачку «Ми-ми», хрумкал и смеялся:

— «Воздух» — это же дедушка Чжан! Дедушку Чжана зовут Чжан Кунцзюнь⁷.

Примечание 7: 中国空军, Zhāng Kōngjūn, буквально "Чжан Воздушные Войска".

Ах, вот оно что! Лу Ао смутился, вспомнив, что забыл имя старого дворецкого Чжана, заботившегося о нём в прошлой жизни. Желая загладить вину, он решил: как только он вернёт утраченную корпорацию, он обязательно повысит старому дворецкому зарплату до миллиона в год!

Дедушка Чжан сидел за кассой и, поймав невероятно решительный взгляд Лу Ао, так испугался, что очки сползли у него с носа.

Что такое? Что такое? Он же не ошибся в обращении? Почему маленький босс смотрит на него таким взглядом?

Старичок инстинктивно прикрыл грудь и испуганно отпрянул в сторону. Неужели маленький босс хочет в него врезаться? Ведь большой босс и босс уже испытали это на себе – его-то старые косточки такого не выдержат!

Лу Ао сжал кулачки, лицо его выражало непоколебимую решимость.

Вдруг перед его носом, словно с неба, опустилась одна креветочная палочка, привлекая его внимание.

— Ууууу! Летиит маленький самолёттик! — напевал Цзян Чжюй.

Лу Ао машинально открыл рот и схватил её.

Только проглотив, он опомнился, обернулся и посмотрел на Цзян Чжюй и стоящее рядом мусорное ведро.

— Раз... два... три... — Лу Ао уставился на пустые пачки. — Цзян Чжюй! Я всего на минуту отвлекся, а ты один сожрал целых четыре пачки «Ми-ми»! А где Лу Синъюань? Почему он за тобой не следит?!

Цзян Чжюй молча протянул ему пачку, которую держал в руке:

— Пятая.

<http://bllate.org/book/13911/1225888>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 26. Семейный бизнес

Yánchéng Tàishòushēng

Семейные активы, оставшиеся на плаву:

Отдельный дом: x1

Небольшой супермаркет: x1

Денежные средства: ??? (Неизвестное количество)

Сегодняшний доход: 2 юаня (продана 1 мочалка + 1 пачка «Ми-ми»)

Сегодняшние расходы: 2.5 юаня (папа в одиночку умял целых пять пачек «Ми-ми»!)

Установленный факт: На каждую проданную пачку закусок папа съедает пять пачек (закон «Продал одну – съел пять»).

Вопрос: Что закончится раньше – товары в магазине или папин аппетит? При начальном денежном балансе ноль и отсутствии других источников дохода, через какое время супермаркет объявит о банкротстве?

Лу Ао сидел на маленькой табуретке у входа в магазин, загибал пальчики и старательно производил расчёты.

Цзян Чжуй сидел рядом, хрумкая «Ми-ми»:

— Аоао, о чём это ты задумался? Опять превратился в «кислого малыша»?¹

Примечание 1: 小梅 (xiǎo huàméi): Буквально «маленькая сушеная/соленая слива». Цзян Чжуй уже говорил это Лу Ао, когда они были в больнице.

Лу Ао повернулся и уставился на него без тени улыбки.

Хочешь хорошую новость?

Уже через год мы всей семьёй сможем отправиться на бесплатный шведский стол с неограниченным запасом северо-западного ветра!²

Примечание 2: 无限制喝西北风 (wúxiànzhì hē xīběi fēng): Идиоматическое выражение, буквально: «неограниченно пить (как напиток) северо-западный ветер». Это саркастичный и распространенный способ сказать «жить в крайней нищете», «голодать», «не иметь денег даже на еду».

Цзян Чжуй почувствовал под этим взглядом мурашки по коже и, проявив понимание, протянул ему одну палочку:

— Аоао, чего это ты так смотришь на папу?

Лу Ао шлёпнул его по руке:

— Доешь эту пачку – и хватит.

— А? Почему? — удивился Цзян Чжуй.

Лу Ао не ответил. Он лишь подпер голову рукой и молча устремил взгляд вдаль.

Эх, властный генеральный директор в раздумьях.

В сюжете из прошлой жизни, когда говорили, что «папа постоянно кутит и развлекается на стороне», неужели имелось в виду, что Цзян Чжуй постоянно тайком объедался закусками?!

Кутить и развлекаться — 嫖

Объедаться и запивать — 3

Примечание 3: Лу Ао тоже любит игру слов. 花天酒地 (huā tiān jiǔ dì) vs 痴天恨地 (chī tiān hē dì):

胡天酒地 (huā tiān jiǔ dì): Идиома, означающая "кутить", "развлекаться", "вести разгульный образ жизни" (часто с алкоголем и женщинами). Именно так было написано в книге «Всеобщий любимец: Малыш трёх с половиной лет» 胡天黑地 (chī tiān hē dì): Придуманная Лу Ао идиома по аналогии. 吃 (chī) = "есть", 喝 (hē) = "пить". Буквально "есть небо и пить землю", то есть "безудержно объедаться и запивать".

Как раз в этот момент Лу Синъюань подошёл, неся три полные до краёв кружки: две большие и одну маленькую.

— Сяо Юй, иди пить воду. Лу Ао, ты только что выздоровел и уже ешь «Ми-ми». Выпей эту чашку воды, выведи излишний жар.

Лу Ао обиженно поднял голову и выдвинул обвинение:

— Лу Синъюань, ты несправедлив! Я съел всего полпачки, а папа умял целых пять! И ты его даже не ругаешь!

Лу Синъюань нахмурился, помолчал мгновение и наконец произнёс:

— Лу Ао, прошу, выпей воды.

— Вот это другое дело. Спасибо, — Лу Ао взял из его рук свою кружку-непроливайку и начал с шумом потягивать воду через трубочку.

Цзян Чжуйюй рассмеялся, подвинул свободный стульчик к себе и похлопал по сиденью:

— Муженёк, садись, прошу.

Троица уселась рядом у входа в магазин, держа в руках свои именные кружки, и даже воду они пили синхронно.

Лу Ао устремил задумчивый взгляд вдаль, прямо перед собой, и произнёс с назидательной интонацией:

— Лу Синъюань, в обычное время тебе нужно следить за своей женой, понимаешь?

Лу Синъюань нахмурился:

— Что ты сказал?

Лу Ао продолжил:

— Цзян Чжуйюй может съесть только три пачки закусок в день. Сегодня он уже серьёзно превысил лимит, поэтому завтра ему можно только одну. Лу Синъюань, не забудь его проконтролировать.

Цзян Чжуйюй тоже нахмурился:

— Кто это постановил?

— Я постановил!

Лу Ао поставил опустевшую кружку в сторону, изо всех сил оттолкнулся своими коротенькими ножками и с грохотом спрыгнул со стульчика.

Он упёр руки в бока, выпятил маленькую грудь, взмахнул ручонкой и громко провозгласил:

— Вы двое совершенно не умеете вести бизнес! С сего дня семейное предприятие переходит под мой полный контроль!

— Ты, — Лу Ао указал на Цзян Чжиюя, — должен просто следить за своим ртом.

— А ты, — Лу Ао повернулся к Лу Синьюаню, — должен просто следить за ртом своего мужа.

Лу Синьюань молча размышлял секунды три, затем протянул руки и взял лицо Цзян Чжиюя в свои ладони. Цзян Чжиюй охотно подыграл, вытянул губы трубочкой и с улыбкой приблизился к нему.

Их взгляды встретились, наполненные нежностью.

Губы юных супругов были словно магниты — стоило на секунду отвлечься, как они уже прилипали друг к другу.

Лу Ао в ужасе закричал:

— Я же просил тебя приглядывать за ротиком твоего мужа, а не чтобы вы оба чмокаться!

Цзян Чжиюй нарочито наивно ответил:

— Ты же просил большого папу присмотреть за папиным ротиком? Вот мы и присматриваем как следует.

Лу Ао протянул ручонку: одну ладошку он засунул между папой и большим папой, а другой прикрыл глазки. Его маленькое личико залилось румянцем:

— Детям не положено такое видеть! Я же ещё несовершеннолетний малыш! Нельзя чмокаться при малыше!

— Ладно уж, — сказал Цзян Чжиюй.

Он переглянулся с Лу Синьюанем, затем быстро поцеловал ладошку Аоао, которую тот засунул между ними.

Лу Синьюань последовал его примеру, тоже наклонился и легонько коснулся губами тыльной стороны детской ручки.

Тёплое и прохладное, нежное прикосновение длилось лишь мгновение.

— Ай! — Лу Ао дёрнулся, словно его обожгли, и «шмыг» — мгновенно спрятал руку за спину.

Его личико стало ещё краснее, весь малыш покраснел, будто сваренный крабик.

— Что вы делаете?! Зачем вдруг меня целуете?!

Цзян Чжиюй наивно заморгал:

— У папы и большого папы вдруг зачесались губки, нужно обязательно во что-нибудь чмокнуть, чтобы прошло. Раз ты не разрешаешь нам чмокаться друг с другом, придётся чмокать тебя.

— Это софистика! — Лу Ао ещё сильнее заёрзал руками за спиной. — Целуйте меня сколько угодно, всё равно я... я возьму управление супермаркетом на себя!

— Уверен? — спросил Цзян Чжуй. — Папа и большой папа ведь ещё не...

Лу Синьюань прокашлялся, напоминая:

— Сяо Юй, не произноси это слово.

Цзян Чжуй поправился:

— Мы ведь ещё не «г»4, а ты уже хочешь «узурпировать власть»?

Примечание 4: 冑 (gā): Звукоподражание, часто используемое как эвфемизм для слова "умереть" (особенно в разговорной речи или при общении с детьми, "сыграть в ящик", "дать дуба"). Лу Синьюань не хочет, чтобы при малыше говорили прямо о смерти.

— Это не «узурпация власти»! Потому что я ещё маленький, вы, взрослые, пока остаётесь номинальными владельцами супермаркета, — Лу Ао говорил уверенно и обстоятельно. — Всё это — ради процветания нашей семьи! Я уверен, что смогу хорошо управлять супермаркетом! За месяц выведу его из убытков; за три месяца удвою прибыль; за полгода открою первый филиал; в течение года привлеку финансирование и выйду на биржу; за три года покорю Уолл-стрит и стану там первым волком!

Такой у него взгляд, смелость и решительность!

Цзян Чжуй и Лу Синьюань переглянулись и снова спросили:

— Уверен?

Лу Ао ответил с полной уверенностью:

— Уверен.

Лу Синьюань спокойно произнёс:

— Раз ты так хочешь управлять супермаркетом, у папы и меня нет возражений. С сегодняшнего дня ты — исполнительный менеджер супермаркета.

— Однако перед этим папа и большой папа всё же хотят дать тебе одно наставление, — с серьёзным видом произнёс Цзян Чжуй.

Лу Ао тоже невольно напрягся:

— Какое?

— Покупатели, проходящие в наш супермаркет, — все наши соседи. Ни в коем случае нельзя их обижать, нельзя становиться старым коварным и чрезвычайно хитрым торгашом!

— Не волнуйтесь, я ведь не стану...

Лу Ао не успел договорить, как Цзян Чжуй указал на его пухлую ручонку:

— Но, Аоао, у тебя прямо сейчас «маленькое плечо чрезвычайно скользкое»5.

Примечание 5: Я надеюсь, вам не надоели примечания, объясняющие каламбуры Цзян Чжюю, потому что Цзян Чжюю не собирается останавливаться.

В предыдущей реплике Цзян Чжюю, говоря о “торгаше”, использовал идиому 老奸巨滑 (lǎo jiān jù huá): эта идиома описывает человека (часто пожилого) как крайне коварного, хитроумного, пронырливого и изворотливого.

А сейчас он произнёс фразу 小奸巨滑 (xiǎo jiān jù huá), которая созвучна с предыдущей идиомой: 老 (lǎo) "старый" заменено на 小 (xiǎo) "маленький", 奸 (jiān) "коварный/хитрый" заменено на омофон 肩 (jiān) "плечо", 巨 (jù huá) "чрезвычайно хитрый" заменено на тоже омофон 巨 (jù huá) "чрезвычайно скользкий".

Что за чепуха?

Лу Ао опустил взгляд.

На нём сегодня были комбинезон с лямками. А он только что стоял, уперев руки в бока, размахивал ручонками, и лямка комбинезона соскользнула с его плечика прямо на руку.

Вот что такое «маленькое плечо чрезвычайно скользкое».

Лу Ао с видом полного недоумения подтянул лямку обратно:

— Это совсем не смешно.

Маленькие мужья не успели ничего сказать, как сзади вдруг раздалось сдавленное:

— Пффффффф!

Троица обернулась и увидела, что дедушка Чжан сидит за кассой, скрестив руки, и с самым невинным видом отводит взгляд.

Ладно, ладно. Он ничего не слышал и ничего не видел.

Цзян Чжюю тихонько сказал:

— Дедушка Чжан, не надо сдерживать смех. Твои ухоженные усы на верхней губе так и дрожат. Тебе ведь тоже очень смешно, правда?

Дедушка Чжан потрогал свои аккуратно подстриженные усы над верхней губой и наконец сообразил, что же такое «верхняя губа»б.

Примечание 6: а тут Цзян Чжюю создаёт несуществующее слово 上巴 / shàngbā, пародия на 下巴 / xiàbā — «подбородок». Букв. «верхний подбородок», т.е. место над подбородком, где растут усы — область над верхней губой (носогубный желобок/фильтр).

Он громко рассмеялся, и его голос зазвенел, как колокол:

— Ха-ха-ха! Господин, вы просто невероятно остроумны!

— Мой единомышленник! Оказывается, он был так далёк и так близок! — у Цзян Чжюю загорелись глаза, и он буквально бросился на стойку кассы.

— Дорогой...

— Папа...

Отец и сын Лу попытались удержать его, но Цзян Чжиюй безжалостно их покинул.

Два человека, лишённых «бактерий юмора», временно впали в немилость.

Вернувшись из больницы, всё утро семья потратила на уборку и изрядно вымоталась.

К обеду сварили кастрюлю риса, пожарили тарелку зелёных овощей, затем сходили в соседнюю лавку утки по-пекински и купили одну утку да несколько колбасок. Потом заглянули к соседям через два дома, в закусточную с рыбной лапшой, и взяли порцию рыбного бульона — без лапши, только суп. И наконец сняли с полки супермаркета баночку тушёной свиной рульки.

Так и собрали «четыре блюда с супом»⁷.

Примечание 7: 四菜一汤 (sì cài yī tāng): Буквально: «четыре блюда, один суп». Традиционный стандарт полноценного приёма пищи в китайской культуре, особенно для семьи или при приёме гостей. Отражает достаток и заботу о здоровье.

Чтобы не отходить от магазина, семейство из четырёх человек разложило складной столик у входа в супермаркет и село обедать прямо на улице.

Лу Ао сидел на маленькой табуреточке, пытаясь детскими палочками подцепить огромную утиную ножку:

— Ииии... ваааааа!

— Хватит оперу разводить, — сказал Цзян Чжиюй. — Бери руками.

— Ни за что! — настаивал Лу Ао.

Лу Синьюань просто схватил утиную ножку и сунул ему в левую руку:

— Ешь.

Ладно уж, это ведь Лу Синьюань его заставил.

Кожа утки была хрустящей, подрумяненной и ароматной, а мясо внутри — плотным, волокнистым, и легко отделялось.

Лу Ао постепенно забыл о своих «боссовских» манерах за столом.левой рукой он держал утиную ножку, правой сжимал ложку для риса. Чередуя укус утки с ложкой риса, он ел с большим аппетитом.

— И овощи нужно есть, — Цзян Чжиюй положил ему в тарелку зелени. — Обед сегодня так, на скорую руку. Вечером будем есть хого. Оставь кусочек утки, бросим её в хого, она там пропитается бульоном — попробуешь, как вкусно!

— Ладно...

Стоп.

Лу Ао замешкался и медленно поднял голову от тарелки с рисом.

Это он называет «на скорую руку»?!

Теперь понятно, почему мы разорились!

Коэффициент Энгеля⁸ зашкаливает за 200%! У Лу Ао есть все основания подозревать, что их семью разорил... папин аппетит!

Примечание 8: Коэффициент Энгеля — экономический показатель, показывающий долю расходов на питание в общих потребительских расходах семьи. Чем он выше, тем ниже уровень жизни (в развитых странах обычно ниже 20%, в бедных — выше 50-60%). Утверждение, что он достигает 200% — явное преувеличение.

Цзян Чжиюй вытащил салфетку, приподнял подбородок Аоао и заставил его закрыть рот:

— Что это за выражение лица? А? Ты разве не хочешь? Хрустящая утка в бульоне пропитается соком, откусишь — и хруст, и сок вместе. А ещё фудай с рыбьей икрой⁹. Откусишь — икра так и выскакивает, ищешь её языком и зубами, а она хрустит на зубах. А ещё тонко нарезанная говядина, едва опустишь в бульон — и готова. Ароматная, нежная, совсем не жёсткая...

Примечание 9: Популярный ингредиент для хого. Буквально: «мешочек удачи с рыбьей икрой». Представляет собой небольшой мешочек (часто из тофу, соевой кожи или даже рыбы), набитый рыбьей икрой. При надкусывании икринки «лопаются» во рту, создавая характерный хруст и ощущение.

Хочу есть.

Лу Ао потрогал уголок рта, проверяя, не потекли ли слюни.

Цзян Чжиюй нарочно спросил:

— Хочешь?

Лу Ао выпрямился и ответил солидно:

— Можно попробовать.

— Значит, хочешь? Отвечай честно.

— Ну... наверное, да...

— Тогда после обеда пойдёшь с папой и большим папой на рынок за продуктами.

— Угу.

После обеда Цзян Чжиюй собрался подняться наверх, чтобы вздремнуть.

Лу Ао категорически отказался спать. Он чувствовал себя полным энергии, и к тому же сегодня был его первый день во главе супермаркета — он хотел остаться, чтобы освоиться с работой.

Поэтому Лу Синъюань остался с ним. Он повёл Аоао на склад проверить остатки товаров и научил его работать с кассой.

Погода потихоньку становилась жарче. Послеполуденное солнце светило на зелёные деревья у входа в супермаркет и на тротуаре, рассыпая по красной плитке земли узор из золотистых теней.

Издали доносилось тонкое стрекотание цикад. Цзян Чжиюй, укрывшись пледом, спал, раскинувшись на кровати на третьем этаже.

Лу Ао семенил коротенькими ножками, словно белочка, разыскивающая сокровища, сную между стеллажами.

Лу Синъюань сидел, откинувшись на стуле за кассой, скрестив руки на груди, и отдыхал с закрытыми глазами. Время от времени он приоткрывал их, краем глаза следя за Аоао.

В четыре часа дня Цзян Чжиюй проснулся от дремоты. Потягиваясь и зевая, он спустился по лестнице, шлёпая тапочками.

— Аоао?

Цзян Чжиюй приоткрыл белую дверцу и просунул голову внутрь.

— Куда же подевались наши два «волка с Уолл-стрит»? Аууууу! — Цзян Чжиюй запрокинул голову и издал волчий вой.

Из-за стеллажа высунулась головка Лу Ао — маленького волчонка. Из-за кассы поднялся Лу Синъюань — большой волк.

— Дорогой!

— Папа.

Цзян Чжиюй раскинул руки, превратившись в укротителя волков, и обнял обоих:

— Пошли, дедушка Чжан спустится присмотреть за магазином, а мы — за покупками.

Солнце всё ещё пекло. Троица зашагала по сияющему золотом тротуару.

Лу Синъюань нёс большую корзину. Лу Ао тащил маленькую корзинку.

Цзян Чжиюй держал за руки их обоих.

Лу Ао как бы невзначай заметил:

— Цзян Чжиюй, я сегодня днём опять кое-что продал.

Цзян Чжиюй удивился:

— Вау, правда? А что продал?

Лу Синъюань невозмутимо пояснил:

— Продал несколько эскимо. Старшеклассники из соседней школы перелезали через забор,

прогуливая уроки. У него хватило смелости подойти и остановить их, заставив купить эскимо.

— И что, они купили? — с беспокойством спросил Цзян Чжиюй. — Аоао, тебя не побили?

— Конечно, нет, — Лу Ао горделиво выпятил подбородок. — Тот старшеклассник с огненной головой купил шесть эскимо, по одному на каждого, и ещё одно угостил меня.

— Рыжий, наверное? Что за «огненная голова»?

— Ну, волосы красные как огонь.

— А ты поблагодарил братика?

— Поблагодарил, — Лу Ао уверенно поднял голову. — Я сказал ему: «За каплю воды в нужде отплачу в будущем целым источником. За благодеяние одним эскимо отплачу в будущем, пригласив покататься на лыжах в заснеженных горах».

— Ха-ха-ха! А что сказал братик?

— Он сказал, что я его закадычный друг, и предложил стать названными братьями.

— Ну и что, вы поклялись?

— Нет, — Лу Синъюань мрачно добавил: — Только они собрались побрататься, как появился завуч второго курса старшей школы, поймал всех этих учеников и увёл обратно.

<http://bllate.org/book/13911/1225889>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 27. Хого на ужин

Yánchéng Tàishòushēng

Четыре часа дня.

Солнце ещё не село, обычные офисные работники тоже ещё не закончили рабочий день.

На продуктовом рынке было мало покупателей. Только торгующие овощами и мясом дядечки и тётушки сидели у своих прилавков, скучая, помахивали веерами и, взяв пластиковые бутылки с водой, в крышках которых были проделаны дырочки, брызгали водой на зелень.

К удивлению Лу Ао, большинство из них знали Цзян Чжиюя и Лу Синъюаня.

Трой шла плечом к плечу, и по пути многие с ними здоровались.

— Хозяин Лу, привёл жену и ребёнка за покупками? Вы не торопитесь!

— Угу. Добрый день.

— Хозяин Цзян, что на ужин будете? Свежесобранный водяной шпинат, и жарить хорошо, и в суп класть — вкусный, очень нежный, не взять ли пучок?

— Конечно, конечно. Лу Синъюань, выбери пучок.

Дядечки и тётушки зорко подмечали все детали. Они не только обращались ко всем подряд «хозяин», но и прекрасно улавливали характеры обоих мужчин, каждое их слово попадало

точно в цель.

К Лу Синъюаню обращались так: счастливый хозяин большого магазина, у него есть муж и сынок, полная чаша счастья. Если любишь мужа и сына — скорее купи им что-нибудь вкусненькое!

К Цзян Чжиюю обращались иначе: хозяин-сладкоежка, сегодня собрали свежие овощи и фрукты, очень вкусные, покупай скорее, пусть большой хозяин приготовит тебе!

А что касается Лу Ао...

— Малыш Хаха уже такой большой вырос?

— Пришёл на рынок с папой и большим папой, малыш Сиси?

— Малыш Хохо, поправился после болезни? Держи две большие груши, отнеси большому папе, пусть сварит тебе грушевый компот.

У Лу Ао аж кулачки сжались!

Его зовут Аоао, а не «Сиси», не «Хаха» и уж тем более не «Хохо»!1

Примечание 1: Детские прозвища (囡囡 - xīxī, 哈哈 - hāhā, 吼吼 - hǒuhǒu): Это игровые, ласковые, но для Аоао обидные прозвища, данные продавцами на рынке, основанные на звукоподражании или описании. Они напрямую связаны с его настоящим детским именем Аоао (啊啊 - áo áo), которое само по себе звукоподражательное (напоминает крик, плач, рычание).

Лу Ао крепко сжал руку папы, изо всех сил топнул ножкой, фыркнул и отвернулся, не желая с ними разговаривать.

Противно! Противно, противно, противно!

Цзян Чжиюю погладил его по макушке, не заставляя поворачиваться и здороваться, а лишь терпеливо, раз за разом, поправлял продавцов.

— Зовите нашего сына «Аоао». Он родился в год волка, поэтому «Аоао».

— Да? Не городи чепухи! Где это в двенадцати земным ветвям есть «волк»?2

Примечание 2: (十二生肖 - shí'èr shēngxiào): имеется в виду 12-летний цикл китайского зодиака, где каждому году соответствует животное (Крыса, Бык, Тигр, Кролик, Дракон, Змея, Лошадь, Коза, Обезьяна, Петух, Собака, Свинья).

— Волк с улицы Юнъань!

Именно так называлась улица, на которой они сейчас жили.

Лу Ао снова испытал приступ немоты. Уолл-стрит!

Пройдя немного, они временно остались без приветствий.

Цзян Чжиюю наклонился и сказал Лу Ао:

— Аоао, не сердись. Бабушки и дедушки плохо помнят, запомнили только, что твоё имя — это

междометие, они не специально коверкают его.

— Я знаю, — пробормотал Лу Ао, обнимая две огромные груши, каждая размером больше его кулачка. Он шёл, переваливаясь, как утёнок.

Конечно, за груши заплатили. Едва старушка сунула груши в руки Аоао, Лу Синъюань тут же расплатился.

Утёнок опустил голову и глухо промолвил:

— Я не злюсь.

— Если будешь приходить чаще, они запомнят тебя. Или в следующий раз, не дожидаясь, пока папа поправит, громко крикни сам: «Меня зовут Аоао! Первый „ао“ — это как „ао“ в „аоао“, второй „ао“ — тоже как „ао“ в „аоао“!» Вот тогда тебя точно все запомнят.

Было так стыдно! Ни за что он так не сделает.

Лу Ао сжал кулачки, шагнул вперёд, пытаясь переступить через лужицу, но из-за коротких ножек наступил прямо в самую середину. Брызги фонтаном взметнулись вверх, замочив его пищащие туфли.

Лу Ао, потеряв последнее терпение, взвыл к небу:

— А-о-о-о-о!

Лу Синъюань слегка кивнул:

— Верно. Именно так. Громко кричи своё имя.

Лу Ао перестал злиться. Он замер посреди лужицы. Чувство полного бессилия накрыло его в третий раз.

А есть ли шанс, что он кричал не своё имя? Что он кричал междометие ярости!

А-о-о! А-о-о-о-о! Рычание маленького злого дракончика!

Семейство подошло к прилавку с говядиной.

— Хозяин Лу, только что разделанная говядина, возьмёте кусочек? Вот этот кусок ещё дёргается.

— Дёргающееся мясо?

Лу Ао как раз наклонился, вытирая мокрые пищащие туфли салфеткой, которую дал ему большой папа.

После того, как он угодил в лужу, видя его дискомфорт, папа отвёл его к рыбному прилавку, чтобы попросить у дедушки-рыбака кран помыть ножки. Но цементный пол рынка сам по себе сырой, и, не пройдя и пары шагов, обувь снова пачкалась, поэтому он продолжал вытираться.

Сам по себе Лу Ао не был чистюлей, но он считал, что настоящий босс обязан быть

брезгливым! Так написано во всех книгах.

Но в следующую секунду, услышав про «дергающееся мясо», он тут же забыл про туфли. Поднял голову, встал на цыпочки, изо всех сил пытаясь разглядеть мясо на прилавке. Но он был слишком мал и ничего не видел.

Заметив его попытки, Цзян Чжуйюй просто наклонился, поднял его и показал:

— Ну, вон тот кусок.

Тёмно-красная говядина пульсировала, слегка подрагивая.

— Уа-а, — невольно проронил Лу Ао, слегка приоткрыв рот. Он знал, что это происходило из-за того, что энергетические вещества в мышцах ещё не истощились, но видел такое впервые. Даже новозеландская говядина, доставляемая частным самолётом, не была настолько свежей.

Цзян Чжуйюй взял его маленькую ручку:

— Хочешь потрогать? Она тёплая-тёплая.

— Не-а! — Лу Ао поспешно отдернул руку, развернулся и обхватил Цзян Чжуйюй за шею.

Он не испугался. Просто... не хотел пачкать руки.

Продавец говядины, видя момент, продолжил напористо рекламировать:

— Хозяин Лу, берите вот этот кусок! Видите, вашему мужу и сыну так нравится! Настоящий муж, настоящий большой папа должен быть решительным! Что муж и сын хотят съесть — без лишних слов сразу брать!

Погодите-ка... Лу Ао нахмурил маленькое личико, озадаченно уставившись на продавца. С чего ты взял, что мне так уж нравится это мясо?

Лу Синьюань изо всех сил сдерживал поднимающиеся уголки губ. Ловко перевернул кусок мяса и провёл пальцем по нему:

— Отсюда режь.

— Бери целый кусок! — настаивал продавец.

— Сяо Юй не любит слишком жёсткое мясо. У Аоао зубы ещё не все выросли, тоже не сможет жевать.

— Ладно, ладно, режь так режь. Только никому не говори, что я вам сделал скидку! — уступил продавец.

Взмах ножом — и кусок тёмно-красной говядины был отсечён и брошен на весы.

— Ровно шестьсот грамм. С вас сорок юаней.

Лу Синьюань достал из кармана кошелек для мелочи со Снупи, вытащил одну двадцатку и две десяти.

Купив говядину, семья отправилась за тушёным мясом, свежими креветками, шариками для

хого и зелёными овощами.

Лу Синъюань нёс мясо и овощи, Цзян Чжиюй вёл Лу Ао за руку, время от времени поднимая его на руки.

— Аоао, смотри, большой папа покупает кукурузу, чтобы сварить тебе прозрачный бульон для хого.

— Смотри, большой папа выбирает картошку. Картофельные ломтики в хого тоже очень вкусные.

— Большой папа сейчас покупает...

Лу Ао вздохнул:

— Цзян Чжиюй, я не дурачок. Я узнаю кукурузу и картошку, не надо постоянно объяснять.

Цзян Чжиюй лишь улыбнулся, ничуть не обидевшись:

— Но наш Аоао такой маленький! Если всё время плестись за папой и большим папой, видя только чужие ноги — это же так скучно? Пока Аоао не подрастёт, папа будет носить тебя на руках, как маленькую камеру, чтобы ты мог «снимать» весь процесс покупок большого папы в мельчайших деталях!

Лу Ао не ожидал такого объяснения. Он замолчал на мгновение, потом покорно прижался к папе и тихо проговорил:

— Но у тебя же руки устанут.

— Руки устанут — сменимся на большого папу. Мы вдвоём будем носить тебя по очереди.

Лу Ао только хотел растрогаться, как вдруг Цзян Чжиюй, просунув руки ему под мышки, резко поднял его высоко в воздух:

— Аоао, целься на три часа прямо по курсу! Там лавка с шариками для хого. Фокус!

Маленькая камера, конечно же, должна фотографировать!

— Папа считает до трёх, а ты моргни. Три... два... один... щёлк! Вау! Камера Аоао сделала такую красивую фотографию! Сохранил в своей маленькой головке?

Улыбка застыла на лице Лу Ао. Ясно. А ведь я почти растрогался...

Цзян Чжиюй, ты и вправду очень-очень детский!

— Давай ещё один кадр! Теперь снимай большого папу. Целься в большого папу! Лу Синъюань, повернись, фотографируем!

Лу Ао мысленно ахнул: неужели Лу Синъюань тоже?..

В следующее же мгновение Лу Синъюань отложил пучок кинзы, поправил одежду, развернулся к ним и, приняв серьёзный вид, показал знак «V». Он даже смог невозмутимо прокричать:

— Виии!

Лу Ао был в шоке!

Лу Синьюань, почему и ты такой детский?!

Семейство провело на рынке больше часа. Выходя, Лу Ао решительно отказался, чтобы его несли на руках.

Цзян Чжюй сказал ему:

— Тогда ты снова будешь видеть только чужие ноги.

— Ну и пусть! Главное, я больше не буду камерой! — отрезал Лу Ао.

Чтобы продемонстрировать свою твёрдость, он упёр руки в бока и, перебирая коротенькими ножками, гордо зашагал впереди всех. Цзян Чжюй и Лу Синьюаню ничего не оставалось, как нести корзины и идти за ним следом.

Не успели они пройти и пары шагов, как на тротуаре внезапно стало многолюдно от школьников в форме.

Цзян Чжюй потянул за руку Лу Синьюаня, ускорился, догнал Лу Ао и крепко взял его за руку, чтобы семью не разлучила толпа.

Оказалось, неподалёку закончились уроки в Старшей школе Сяочэн.

Ученики выходили из школьных ворот пешком или катили велосипеды, сбившись в группки. Некоторые тайком приезжали в школу на мопедах и специально оставляли их через дорогу. Дождавшись, когда учителя и охрана отвернутся, они быстро перебежали улицу и так же быстро уезжали.

Обычно в это время на улице Юнъань был самый пик торговли. Школьники, словно приливная волна, накатывали на чайные с молочным коктейлем, бургерные и ларьки с жареными шашлычками.

Ученики, жившие в общежитии, которым вечером ещё предстояли занятия по самоподготовке, спешили купить недостающие предметы первой необходимости или перекус.

— Дедушка Чжан, чипсы «Паньпань» со вкусом томата осталась всего одна пачка, есть ещё?

Этот ученик — настоящий гурман.

— Дедушка, мыло с запахом лаванды, как в прошлый раз, уже закончилось? Я не нашёл.

А этот — чистюля.

— Дедушка Чжан, у вас есть такое мыло, чтобы и голову мыть, и тело, и одежду стирать? Дайте мне восемь кусков! По одному на каждого в нашей комнате!

А вот это — восемь объединившихся лентяев!

Лу Ао, которого папа держал за руку, увидел издали, что в супермаркете «Всё под Небом» яблоку негде упасть. И вдруг — «Дзинь!» — его глазки превратились в два сияющих значка

юаней.

Он, словно телёнок, вырвался из руки Цзян Чжиюя и помчался напрямик.

Столько народу! Столько денег!

Он должен был вернуться зарабатывать деньги! Вперёд!

Лу Ао ворвался в супермаркет, пробился сквозь толпу и подбежал к кассе. Он мгновенно включился в работу и начал отдавать распоряжения:

— Дедушка Чжан, помогите им найти то, что они хотят купить, а я буду принимать деньги!

Старик Чжан немного заколебался:

— Маленький босс, ты умеешь принимать деньги?

— Конечно умею! Я научился днём! Быстрее!

— Но...

Дядя Чжан повернул голову и увидел вдалеке, как Цзян Чжиюй показал ему знак «ОК», и только тогда кивнул в согласии:

— Хорошо, тогда заходи.

Благодаря своему маленькому размеру Лу Ао ловко пролез за прилавком, вскарабкался на стул и встал на ноги, словно юркая белочка. Он ловко принимал товары у подходивших учеников, находил штрих-код и подносил к сканеру — «бип!».

Ученики расплачивались в основном наличными, и Лу Ао принимал деньги и выдавал сдачу быстро и безошибочно.

Старшеклассники в очереди на кассе остолбенели.

— Малыш, ты просто золотые руки!

— У тебя так здорово со счётом получается! Даже лучше, чем у моего соседа по парте!

— Какую ещё... чушь ты несёшь?

Лу Ао выпятил маленькую грудь, полный уверенности, не прекращая при этом пробивать товары. Судя по таким темпам выручки, пять пачек креветочных чипсов, которые съел папа, скоро окупятся.

Вот именно, он настоящий маленький гений коммерции!

За толпой Цзян Чжиюй с удивлением наблюдал за этой сценой и спросил:

— Лу Синъюань, это ты научил его днём?

Лу Синъюань ответил ровным тоном:

— Я научил его только пользоваться кассовым аппаратом. Принимать деньги и считать сдачу он научился сам.

Цзян Чжиюй не сдержал восхищения:

— Ух ты, это просто невероятно.

Лу Синьюань же сохранял спокойствие:

— Сяо Юй и я изначально были союзом двух сильных. Наш сын унаследовал толику коммерческого таланта — в этом нет ничего удивительного.

— Логично, — Цзян Чжиюй полностью согласился. — Тогда пусть наш самый сильный пойдёт наверх готовить ужин, а этот средний по силе останется здесь помогать нашему маленькому силачу-управляющему продавать товары.

— Хорошо, — ответил Лу Синьюань.

В их однообразной учебной жизни учеников наконец-то случилось что-то интересное. Они звали друзей, и вскоре супермаркет был окружён плотным кольцом.

— Малыш, ты такой милый, и ещё деньги считать умеешь, прямо как калькулятор!

— Да нет же, это же миниатюрная счётная машинка, просто прелесть!

Лу Ао ещё не сталкивался с таким ажиотажем. Он застыл на месте, нахмурил своё маленькое личико и с недоумением смотрел на них. Когда они хвалили его за умение, он расправлял грудь с полной уверенностью, считая их слова справедливыми.

Но теперь они вдруг стали говорить, что он милый?

Он же не главный герой из тех, кого все холят и лелеют! Зачем называть его милым?

В прошлой жизни никто никогда так о нём не говорил.

Лу Ао было и стыдно, и досадно, и сам он не мог разобраться в своих чувствах. Он мог лишь громко крикнуть:

— Не толпитесь тут! Быстрее проходите дальше! Люди сзади не могут пройти!

Он изо всех сил старался придать себе властный вид, пытаясь их отпугнуть. Но сейчас он был всего лишь маленьким крепышом, с пылающими щеками и голосом, звучащим как возмущённое «ауу!». Никого он не испугал.

— Ууу, да он ещё милее стал!

— Вот бы купить себе такого малыша, который умеет считать, для уроков математики.

— Я первый пришёл, кто первый пришёл, того и тапки!

Что за чушь они несут?

Хватит толпиться, уходите же скорее!

Лу Ао от злости покраснел ещё сильнее, сжал кулачки и в ярости топал ножкой, стоя на стуле.

Нельзя так!

И в этот самый критический момент случилось чудесное избавление — точно бог войны явился! Цзян Чжиюй раздвинул толпу, шагнул за прилавок и обнял своего малыша:

— Не смейте обижать моего управляющего супермаркетом!

Цзян Чжиюй нарочно сделал строгое лицо, слегка понизив тон. Это не было особенно сурово, но вполне хватило, чтобы отвадить этих студентов, зашедших слишком далеко в своих доброжелательных шутках.

Как и ожидалось, увидев его, ученики поумерили пыл и поздоровались:

— Маленький босс.

— Мы просто увидели, что маленький-маленький босс такой милый, и решили с ним пошутить.

— Но даже в шутку нельзя говорить, что заберёте его, верно? — Цзян Чжиюй наклонился, погладил по головке Лу Ао, успокаивая его: — Аоао, не сердись. Братики и сестрички просто хотели с тобой поговорить. Папа рядом, никуда тебя не дадим увести.

Студенты тоже достали припасённые конфеты и снеки, протягивая ему:

— Малыш, не бойся, мы не со зла.

— Мы не хотели тебя украсть, просто пошутили, ты не воспринимай всерьёз.

— Искренне извиняемся перед тобой, надеемся, ты простишь нас. Прости.

Лу Ао поднял голову из объятий Цзян Чжиюя. Два красных пятна на его маленьком личике ещё не сошли.

Он громко заявил:

— Тогда быстрее рассчитывайтесь! Не толпитесь тут!

— Ладно, ладно, сейчас оплатим, не торопи.

Так в первый день работы маленького управляющего Лу Ао за кассой он не только заполнил целый ящик мелочью, но и получил в награду...

Целую гору конфет и снеков!

Покупавшие что-то студенты, чтобы его задобрить, подарили ему кучу вкусняшек.

В перерыве Лу Ао поднял голову и сказал Цзян Чжиюю:

— Теперь супермаркету не нужно закупать товары. Мы можем продать им обратно эти снеки.

Нулевая себестоимость, цена на наше усмотрение — чистойшей воды бизнес без вложений и с огромной прибылью. Да он просто маленький гений!

Цзян Чжиюй молча протянул руку, потянул за лямку комбинезона Лу Ао и дёрнул.

Лу Ао схватился за свою маленькую пухлую ручку и жалобно спросил:

— Ты чего?

Ах, да.

Папа же предупреждал его утром: нельзя быть «маленьким хитрым торгашом».

— Маленький проказник ещё и пакости задумал? Получай жёлтую карточку. Соберёшь ещё три — сразу отстраняю от должности управляющего.

— Я же ещё ничего не успел сделать! — оправдывался Лу Ао.

— Тогда получай полкарточки.

В шесть пятьдесят вечера прозвенел подготовительный звонок к вечернему самостоятельному занятию. Студенты из супермаркета поспешно побежали обратно в школу. Лу Синьюань тем временем подготовил основу для бульона, нарезал говядину, вымыл и разложил фрикадельки и овощи — теперь и семья могла спокойно поужинать.

Перед ужином Лу Ао всё ещё хотел пересчитать, сколько же он только что заработал. Но Цзян Чжиюй просто подхватил его на руки и унёс:

— В девять вечера, после окончания самостоятельных занятий, братики и сестрички снова придут что-нибудь купить. Посчитаем деньги вместе, когда закроемся.

Лу Ао счёл это разумным и кивнул в знак согласия.

Так как ужинали хого, Лу Синьюань открыл холодильник, чтобы достать напитки:

— Сяо Юй, будешь «Колу» или «Спрайт»?

— Я бы выпил... — Цзян Чжиюй задумался, потом повернулся к Лу Ао. — Аоао...

Лу Ао ответил сразу же:

— Я не напиток, меня пить нельзя. Я буду пить кипячёную воду.

— Большой папа сварил тебе грушевый отвар, будешь его. Папа хотел спросить: папа и большой папа могут взять одну бутылочку напитка? Всё-таки ты сейчас ещё и управляющий супермаркетом.

Лу Ао на мгновение замер, совершенно не ожидая, что Цзян Чжиюй станет спрашивать его разрешения.

— Ммм... — Лу Ао подумал и кивнул. — Можно.

В конце концов, днём он столько заработал — пусть уж выпьют по бутылочке.

— Спасибо, управляющий...

— Только самую маленькую бутылочку.

— Отзываю заявку! — Цзян Чжиюй тут же сделал серьёзное лицо: — Тогда я буду пить «Колу». Огромную семейную бутылку.

— Ни за что!

Лу Синьюань взял большую бутылку «Колы», и они поднялись на второй этаж.

Они ужинали за большим столом на втором этаже. Окно, выходящее на улицу, было открыто, а дверь супермаркета прикрыта. Если кто-то зайдёт покупок, сработает датчик на двери — можно было не беспокоиться.

Основа для хого, конечно же, была двойной. В острый отсек положили большой кусок масляной основы для хого: сначала обжарили до появления аромата, а потом добавили воду и медленно растопили. В отсек с прозрачным бульоном добавили белый редис «дайкон», кукурузу и разные грибы — бульон стал молочно-белым.

Хого весело булькал, выпуская пузырьки. Лу Ао сидел на своём детском стульчике, сжимая вилку и ожидая, когда папа и большой папа начнут его кормить.

Это был первый раз в жизни, когда Лу Ао ел хого.

Потому что в прошлой жизни... с ним некому было разделить трапезу, да и идти в ресторан хого в одиночку он не хотел. Это было слишком унижительно — он лучше в своём особняке лосося поест.

Но сейчас всё было иначе. Папа и большой папа сами пригласили его. Ну что ж, он снизойдёт до этой еды.

Тонко нарезанная свежая говядина, которая готовилась за считанные секунды. Ярко-красные свежие креветки, которые собственноручно почистил большой папа — в них чувствовался вкус моря. Те, что чистил папа, Лу Ао есть отказывался — ведь папа чистил креветки ртом. Говяжья фрикаделька, которая плавала в бульоне, поднимаясь и опускаясь, казалось, целую вечность. Папа объяснил, что внутри фрикадельки есть начинка, и если её укусить, то брызнет обжигающе горячий сок. Поэтому её нужно постоянно дуть, дуть и дуть, пока внутри всё не остынет.

Лу Ао наколот фрикадельку на вилку, будто поднял маленькую дубинку, поднёс ко рту и принялся усердно дуть.

Фу-у-у-у...

Лу Ао дул целых десять минут, уже почти выдохся, и только тогда осторожно высунул язычок, дотронувшись кончиком до фрикадельки. Она остыла. Можно есть. Он раскрыл ротик, готовясь откусить.

И в этот самый момент Цзян Чжюй поднял свой стакан с колой, встал и громко провозгласил:

— В этот прекрасный миг семейного торжества я предлагаю нам, всей нашей семье из четырёх человек, поднять бокалы!

Лу Ао не совсем понимал: что же сегодня нужно праздновать? Но Лу Синьюань и дедушка Чжан отреагировали с готовностью. Лу Ао тоже пришлось отложить фрикадельку, взять свой стаканчик-непреливайку и встать с детского стульчика.

В следующее мгновение он услышал слова Цзян Чжюя:

— Давайте вместе поздравим нашего маленького храбреца Аоао с победой над болезнью и благополучной выпиской!

И что это, спрашивается, такое? Лу Ао почувствовал лёгкое недоумение. У него же был всего лишь насморк, а не какая-то серьёзная болезнь. Он бы и так поправился.

Цзян Чжуйюй же говорил так, будто он сражался на войне или высаживался в космосе.

Цзян Чжуйюй продолжил свою «торжественную речь»:

— Маленький храбрец Аоао проявил смелость и уверенность перед лицом недуга, ни разу не отступив! В борьбе с болезнью Аоао продемонстрировал несгибаемую волю и железную дисциплину! Хотя по пути он случайно ранил папу и большого папу своим железным лбом, в итоге он всё же одолел злобную хворь и преодолел важный жизненный рубеж! Пожелаем же нашему храброму Аоао: каждое новое испытание — к благополучию, каждое преодоление рубежа — к новой удаче!

Цзян Чжуйюй говорил с такой серьёзностью, Лу Синъюань и дедушка Чжан аплодировали так искренне. Лу Ао тоже проникся этой атмосферой и невольно настроился на торжественный лад.

Трое по-детски непосредственных взрослых по очереди чокнулись со взрослым и степенным Лу Ао.

— Лу Ао, поздравляю. Так держать, расти здоровым и счастливым, — сказал Лу Синъюань.

— Маленький босс, ты просто молодец! — похвалил дедушка Чжан.

Цзян Чжуйюй нанизал на палочку целую гирлянду фрикаделек из хого и протянул её Лу Ао в качестве награды:

— Прими это, храбрый Аоао.

— Спасибо, — Лу Ао взял гирлянду из фрикаделек, потом спросил: — Папа, а ты не хочешь поесть со мной из прозрачного бульона?

Цзян Чжуйюй удивился:

— А почему?

Потому что...

Сквозь пар, поднимавшийся от хого, Лу Ао показалось, что у папы покраснели глаза. Наверное, от острого бульона?

<http://bllate.org/book/13911/1225890>Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 28. Время для двоих

Yánchéng Tàishòushēng

Поев хого, они принялись наводить порядок на столе. Лу Ао в своём фартучке в мелкий цветочек послушно следовал за папой и большим папой, помогая им собирать палочки для еды, маленькие соусники и стаканы из-под напитков, снова и снова сную между кухней и столовой.

Но едва они успели убрать половину, как из соседней школы вдруг донёлся звонок, возвещающий об окончании вечернего занятия.

Глаза Лу Ао загорелись. Он отложил посуду, даже не успев снять фартук, и стремглав бросился вниз по лестнице. Он шмыгнул вниз, словно юркая маленькая рыбёшка, — даже его папа сяо Юй не смог бы его поймать.

Студенты, просидевшие весь вечер за учёбой, наверняка проголодались. А раз проголодались — обязательно заглянут в супермаркет за снеками! Лу Ао занял своё место за кассой, упёр руки в боки, выпятил животик и приготовился встречать покупателей!

Как и предвидел Лу Ао, едва прозвенел звонок, как на супермаркет обрушилась армия голодных студентов.

И вот он — новый крупный доход!

Раз уж они все что-то покупали, Лу Ао решил не обращать внимания на их слова о его «милоте». Хотя, честно говоря, ему больше хотелось, чтобы его хвалили за умение.

С девяти до десяти студенты всё ещё приходили в магазин, пусть и не так много, как после вечерних занятий, но всё равно прилично.

После десяти Лу Ао, полный энергии, был готов продолжать принимать деньги, но папа не разрешил.

Оставив дедушку Чжана присматривать за магазином, Лу Ао, гордо выпрямившись, с ящичком с выручкой в руках зашагал вверх по ступенькам. Цзян Чжиюй следовал за ним, ворча себе под нос:

— Словно вот-вот взойдёт на трон и станет маленьким императором...

Лу Ао обернулся и строго спросил:

— И ты после этого смеешь так со мной разговаривать?

Цзян Чжиюй щёлкнул его по лбу:

— Если ты «маленький император», то твой папа я — «император в отставке». Как, по-твоему, мне следует с тобой говорить?

Лу Ао, потирая лобик и всем своим видом выражая обиду, развернулся обратно.

Лу Ао дошёл до гостиной, уселся по-турецки перед низким столиком и принялся подсчитывать дневную выручку. Его ручки были слишком малы, бумажные купюры и монеты то и дело выскальзывали из пальцев, но он снова и снова подбирал их, крепко сжимал и старательно пересчитывал.

— Один юань, два юаня, три юаня...

— Пять юаней, десять юаней...

Цзян Чжиюй принёс ему бумагу и ручку, чтобы записывать было удобнее.

Но Лу Ао и не думал ими пользоваться:

— С такой мелочью я и так справлюсь!

Цзян Чжиюй не сдержал смешка:

— Маленький скряга. Ещё так юн, а уже залез в дыру от монетки!1

Примечание 1: 掉进钱眼儿里 (Diào jìn qián yǎn lǐ): идиома, буквально "упасть/провалиться в дыру от монетки". Означает чрезмерную жадность, помешательство на деньгах.

— Да ты... ты ничего не понимаешь! — с полным осознанием своей правоты заявил Лу Ао. — Я же всё ради нашего семейного блага делаю! Ты так много ешь...

Цзян Чжиюй с недоверием ткнул пальцем в себя:

— Я?!

— ...а Лу Синъюань тебя так балует...

Лу Синъюань, мывший в кухне посуду, обернулся и, указывая на себя рукой в мыльной пене, переспросил:

— Я?!

— Дедушка Чжан скоро совсем состарится!..

Только что закрывший супермаркет и поднявшийся наверх дедушка Чжан указал на себя:

— Я?

Лу Ао подвёл итог:

— В этом доме повсюду требуются деньги. Значит, содержать всех придётся мне.

Зрелому малышу тоже бывает нелегко кормить троих несерьёзных взрослых!

Лу Синъюань произнёс невозмутимо:

— Ну что ж, тогда это действительно тяжкий труд для тебя.

— Ничего тяжкого, — махнул маленькой ручкой Лу Ао. — Это ответственность, которую я должен нести.

Он уже давно решил включить папу, большого папу и дедушку Чжана в сферу своей защиты. Вот почему он так переживал о финансовом положении семьи. Будь это враги или чужие люди, он бы и ухом не повёл!

Лу Ао пересчитал бумажные купюры и монеты в руке, выведя итоговую сумму.

Он взял бумагу и ручку, чтобы завести учёт, но ручонка была слишком мала и слаба — он не мог крепко ухватить ручку, и буквы выходили корявыми. Написав один иероглиф, он долго смотрел то так, то эдак — безобразно! В конце концов он протянул ручку Цзян Чжиюю:

— Цзян Чжиюй, с сего дня ты будешь бухгалтером при нашем менеджере. Работа по ведению учёта поручается тебе.

— Ладно, благодарю за доверие, господин маленький менеджер, — откликнулся Цзян Чжюй, принимая бумагу и ручку. — А как писать?

— Пиши сегодняшнюю дату. Потом пиши: «Доход: одна тысяча триста тридцать один юань», — Лу Ао подпер голову рукой и внимательно наблюдал: — Нельзя! Нельзя писать знаки «плюс» или «минус»! Так слишком легко подделать. Надо написать чётко-чётко: «Доход: одна тысяча триста тридцать один юань». И число обязательно прописью и цифрами!

— Хорошо, папа перепишет, — терпеливо ответил Цзян Чжюй, зачеркнул предыдущую запись, начал новую строку и переписал, как требовал малыш.

— В конце ещё надо написать: «Расчётчик: Лу Ао». Потом ты, и Лу Синъюань, и дедушка Чжан — каждый должен пересчитать деньги заново. Только когда все четверо получают одинаковую сумму, можно считать завершённым.

— Как же это сложно!

— С деньгами надо быть предельно серьёзным!

Трое взрослых, следуя требованию Лу Ао, каждый заново пересчитал купюры.

К всеобщему удивлению, Лу Ао не ошибся ни на один юань.

В конце концов Лу Ао отложил на хранение крупные купюры сегодняшней выручки — пятидесяти- и стадолларовые. Из двадцати- и десятидолларовых купюр отложил половину. Остальные, вместе с мелочью и монетами, снова положил в ящик — для сдачи покупателям.

— Готово.

Лишь завершив эту работу, Лу Ао наконец расслабился.

Лу Синъюань произнёс серьёзно:

— Ладно, уже так поздно, тебе пора купаться и спать.

— Но я же ещё не нашёл место, где хранить деньги и бухгалтерскую книгу! — возразил малыш.

Цзян Чжюй вздохнул:

— Папа и большой папа отведут тебя.

На третьем этаже, помимо спален молодой парочки и Лу Ао, был ещё кабинет. В центре кабинета стоял большой письменный стол с компьютером, а вдоль стен высились пять огромных книжных шкафов, доходивших до самого потолка. Шкафы были забиты книгами под завязку.

Лу Ао удивился.

Не скажешь, что его тщеславный папа и холодный большой папа так любят читать.

Получается, они оба начитанны и эрудиро...

Эм...

Лу Ао задрал голову, уставился на корешки книг в шкафу: «Попал в своего отца — второстепенного злодея», «Малыш из богатой семьи взорвал реалити-шоу», «С небес свалился милашка: Папочке и Папуле не сбежать!».

Его охватило молчание.

И это вы читаете в свободное время? Как же это некультурно... как безыдейно!

Цзян Чжуйюй, проследив за его взглядом и поняв, что тот разглядывает книги в шкафу, поспешно прикрыл ему глаза ладонью:

— Аоао, не волнуйся. Хотя папа и большой папа прочитали кучу историй про малышей, наш самый любимый крошка — только ты.

Лу Ао мысленно вздохнул. Его тревожило вовсе не это. Его тревожил культурный уровень их семьи.

— Не смотри сюда. Давай лучше положим деньги и учётную книгу вот сюда, — Цзян Чжуйюй, мягко подталкивая его за плечико, подвёл к большому столу с компьютером.

Лу Синьюань, опустившись на одно колено, выдвинул самый нижний правый ящик стола:

— Сюда.

Трое членов семьи, собравшись вместе, присели перед столом. Лу Ао серьёзно заглянул внутрь:

— А здесь безопасно?

— Абсолютно безопасно, — Цзян Чжуйюй достал маленький мешочек. — Обычно только мы бываем на третьем этаже, другие сюда не поднимаются.

— Ну ладно.

Лу Ао вложил бумажные купюры в учётную книгу, положил книгу в мешочек, поместил мешочек в ящик и, наконец, собственноручно задвинул ящик.

Лу Ао произнёс с деловой серьёзностью:

— Это теперь наше общее семейное имущество. Никому не трогать. Когда накопится десять тысяч юаней, можно будет пустить их на инвестиции и приумножение капитала.

Цзян Чжуйюй с любопытством спросил:

— Аоао, ты же ещё и в инвестициях разбираешься?

— Ну конечно! Я же...

Лу Синьюань взглянул на часы, прервав их разговор:

— До одиннадцати осталось двадцать минут.

— Ой, беда! — ахнул Цзян Чжуйюй и засуетился. — Лу Синьюань, быстрее веди сына в ванную купаться, а я схожу за его пижамой. Разделяемся и действуем! Живо!

Лу Ао не успел и глазом моргнуть, как Лу Синъюань подхватил его с пола и взгромоздил к себе на плечо.

Лу Ао забарабанил коротенькими ножками и громко запротестовал:

— Я сам буду мыться! Не хочу, чтобы Лу Синъюань меня мыл! Не хочу пижаму с коровками! Не хочу пижаму с зебрами! Не хочу...

— Это не хочешь, то не хочешь, — перебил его Цзян Чжиюй, — так, может, спать будешь с голой попкой?

— Тоже не хочу!

В итоге Лу Ао всё же надел принесённую папой пижаму со Снупи. Чёрная пижама — штанишки и кофточка — была усыпана белыми собачками Снупи. Снупи стоял, Снупи сидел, Снупи в одежке, Снупи без одежки...

Неужели Снупи в прошлой жизни спас Цзян Чжиюю жизнь? Как можно так его обожать?

Без тени эмоций на лице Лу Ао вскарабкался на свою кроватку и послушно улёгся. Папа укрыл его одеялом, большой папа задёрнул шторы в комнате.

Цзян Чжиюй присел у кроватки и спросил:

— Папа ещё останется с тобой поспать?

Лу Ао покачал головой:

— Не надо. Я уже не болею, могу спать сам.

— Ну ладно, — Цзян Чжиюй всё же не удержался от напутствия. — Тогда спи хорошенько один. Комната папы и большого папы — прямо напротив. Если не уснёшь или что-то понадобится, сразу приходи к нам.

— Хорошо.

— И не думай всё время о деньгах. Папа и большой папа богаче, чем ты думаешь. Зарабатывать — это наша забота, а не твоя.

— Угу.

— Аоао, спокойной ночи, — Цзян Чжиюй спросил мягко. — Нужен поцелуй на ночь от папы?

— Ммм... — Лу Ао задумался.

Если это поцелуй от Цзян Чжиюя, и только в лоб... то это ещё можно кое-как принять. Но если и Лу Синъюань тоже захочет поцеловать... то... не то чтобы совсем не могу принять...

Впрочем...

Заметив его колебания, Цзян Чжиюй не стал настаивать. Он поднял руку, прикоснулся пальцами к своим губам, а затем приложил эти пальцы ко лбу Лу Ао. Потом он подтянул к кроватке Лу Синъюаня и проделал то же самое — передал Лу Ао «поцелуй на ночь кончиками пальцев» от папы и большого папы.

Их «ночной поцелуй», казалось, обладал волшебной силой. В момент, когда тёплые пальцы коснулись его лба, знакомое ощущение сонливости накрыло Лу Ао, окутав его целиком. Лу Ао непроизвольно закрыл глаза и погрузился в тёплые объятия одеяла.

Прекрасный день, запечатлённый папой в его маленькой «камере» памяти; прекрасные сцены, сохранённые папой в его маленькой головке, начали автоматически проигрываться. Незаметно даже воздух наполнился теплом и уютом.

Цзян Чжуй и Лу Синьюань, присев у кровати, понаблюдали за ним ещё немного, убедились, что он уснул, и лишь тогда бесшумно поднялись и вышли.

Только закрыв за собой дверь, молодая парочка осмелилась вздохнуть полной грудью. Они одновременно повернулись и встретились взглядами.

Цзян Чжуй игриво приподнял бровь в сторону Лу Синьюаня, а затем поднял руку, изобразив жест тоста: «Выпьем по одной?»

В глазах Лу Синьюаня мелькнула улыбка, он едва заметно кивнул: «Ладно».

Молодая парочка достигла согласия. Один направился вниз, чтобы принести необходимое, другой — в комнату, чтобы подготовиться.

Щёлк! — послышалось от детской, когда дверь закрылась окончательно.

Пшш! — отозвалось внизу, когда кто-то открывал банку с газировкой или пивом.

Полночь.

Лу Ао сладко спал в своей детской.

Цзян Чжуй и Лу Синьюань в своей спальне наслаждались редкими мгновениями наедине.

Оба уже искупались и переоделись в пижамы. Комната благоухала, пропитанная ароматом молочного геля для душа, которым пользовался Цзян Чжуй. На столе стояли две баночки фруктового напитка, а на полу валялось несколько пустых банок.

Честно говоря, выпить им хотелось ещё за ужином, во время хого, но тогда рядом был Лу Ао, и они не решились.

Теперь же, когда малыш спал, почему бы и нет?

Окно было распахнуто настежь, и прохладный ночной ветерок нежно колыхал занавески. Цзян Чжуй, держа баночку с напитком, небрежно облокотился о оконный косяк.

Лу Синьюань, тоже с банкой в руке, развалился в кресле у окна, закинув ногу на ногу.

Они находились по диагонали друг от друга – один стоял, другой сидел. Никто не нарушал тишину.

Цзян Чжуй протянул руку в сторону Лу Синьюаня. Тот понял намёк, поднял свою баночку, и они легонько чокнулись. Напиток плеснулся внутри банок, издав мягкий звук.

Цзян Чжюй тихо произнёс:

— Поздравляю. Снова прошли уровень.

Уголки губ Лу Синьюаня дрогнули в лёгкой улыбке:

— Взаимно. Продолжаем стараться.

Сказав эти слова, они снова погрузились в молчание. Многословие было излишним. Между ними царил полное понимание.

Неизвестно, сколько времени прошло. Банка в руке Лу Синьюаня опустела, Цзян Чжюй допил свой напиток. Ночные тучи рассеялись, заливая комнату ярким лунным светом. На небе сверкали мириады звёзд.

Холодный, чистый свет луны падал из окна прямо на лицо Цзян Чжюй. Он опустил глаза, и длинные ресницы отбросили тень на его щёки.

Лу Синьюань поднялся, протянул руку и нежно коснулся кончиками пальцев этой тени, осторожно проведя большим пальцем по линии ресниц. Цзян Чжюй тут же схватил его руку, попытался притянуть к себе, но вместо этого сам потерял равновесие и упал вперёд, прямо в объятия Лу Синьюаня.

Лу Синьюань склонился, чтобы поцеловать его, а Цзян Чжюй встал на цыпочки, отвечая на поцелуй.

Шаги Лу Синьюаня оставались твёрдыми, а вот Цзян Чжюй уже чувствовал лёгкое головокружение. Лу Синьюань обхватил руками талию Цзян Чжюй, а тот обвил руками шею Лу Синьюаня.

Цзян Чжюй, словно новичок в парном танце, позволил Лу Синьюаню вести его, их шаги сливались в уникальный, понятный лишь им двоим танец, пока они, слегка спотыкаясь, двигались по воображаемому танцполу комнаты.

Наконец Цзян Чжюй запнулся о край кровати позади и рухнул на неё.

Лу Синьюань накрыл его своим телом и вновь благоговейно приник к его губам:

— Сяо Юй, сегодня я люблю тебя ещё сильнее, чем вчера.

На следующее утро, 7:30.

Лу Ао разбудил утренний звонок из соседней школы. Бодро приподнявшись на кровати, он не чувствовал ни капли раздражения или привычной детской сонливости.

Возможно, из-за вчерашнего заработка, а может, потому что новая кровать была очень удобной, но ночью он спал прекрасно — без сновидений, до самого рассвета.

Лу Ао сполз с кровати, подошёл к шкафу и выбрал сравнительно простой комплект: тонкую худи и брюки. Одевшись, он только теперь заметил: на капюшоне торчали два медвежьих ушка, а шнурок стяжки был оформлен в виде медвежьих лапок.

Так и знал — в его гардеробе не сыщешь ни одной обычной вещи!

Но раз уж надел, Лу Ао не стал переодеваться.

Он почистил зубы и умылся в собственной ванной комнате, затем открыл дверь и вышел из детской.

Как раз в этот момент дверь напротив тоже приоткрылась, и из неё вышел Лу Синъюань.

Отец и сын, удивлённые такой синхронностью, невольно произнесли одновременно:

— Доброе утро.

— Проснулся?

— Угу, — отозвался Лу Ао, подошёл к Лу Синъюаню и попытался заглянуть в комнату. — А папа где?

Лу Синъюань преградил ему путь, не пуская внутрь:

— Папа вчера устал, играя с тобой. Дай ему поспать подольше.

Их спальня была довольно просторной, Лу Ао успел разглядеть лишь небольшой бугорок под одеялом — Цзян Чжиюй свернулся калачиком и спал, уткнувшись лицом в подушку.

— Ладно, — Лу Ао отвёл взгляд.

Лу Синъюань ухватил его за медвежий капюшон, аккуратно вывел в коридор и прикрыл дверь:

— Чистил зубы? Умывался?

— Чистил. Умывался.

— Тогда пойдём завтракать вниз. Что будешь?

— Что угодно.

— «Что угодно» не пойдёт, скажи конкретно.

— Тогда хочу пельменей.

— Сколько съешь?

— Тридцать.

— Столько не осилишь, сварю тебе пятнадцать.

Их диалог отца и сына всегда был таким — лаконичным и эффективным!

Позавтракав, Лу Ао вновь собрался было наверх к папе, но Лу Синъюань остановил его.

Лу Синъюань взял его с собой, и они вдвоём уселись за кассой, присматривая за магазином.

Учёба в школе начиналась в половине девятого, и после этого часа, кроме соседей да случайных прохожих, покупателей почти не бывало. Лу Ао сидел на стуле, скучая, болтал ножками. Без папочки ему было как-то непривычно.

Лу Синьюань спросил:

— Скучно? Посмотреть новости?

Лу Ао уже собрался кивнуть, как вдруг снаружи раздался радостный голосок:

— Аоао! Выходи играть!

Лу Ао повернул голову. Как он и думал, это пришёл тот маленький дурачок, Гу Бай. Он стоял у входа в супермаркет, изо всех сил размахивая рукой, но высоко запрокинув голову и глядя куда-то наверх.

Он думал, что Лу Ао всё ещё наверху.

— Аоао, Аоао! Давай скорее играть!

Лу Ао высунул голову из-за кассы:

— Я здесь!

Гу Бай всё так же смотрел куда-то наверх:

— Ао-ао, ты где? Я тебя не вижу-у-у!

Лу Ао надул губки, спрыгнул с кассового столика и подошёл к нему:

— Я здесь.

Только тогда Гу Бай заметил его и расплылся в дурацкой улыбке:

— Аоао, так ты здесь!

— Ты сегодня будешь покупать «Мими»? — Лу Ао не упускал ни единой возможности продать товар.

— Хочу...

— Сколько пачек? Я тебе принесу.

— Но у меня нет денег.

Лу Ао крутанулся на месте и повернулся обратно.

Раз нет денег — о еде и думать нечего!

— Я пришёл с тобой играть, — Гу Бай продолжал улыбаться, поднимая маленькую бутылочку, висевшую у него на шее. — Большой папа сварил мне чай с молоком, делюсь с тобой.

— У вас дома большой папа готовит чай с молоком?

— Ага! А папа уходит на работу.

Лу Ао опустил глаза, задумавшись. Он не очень удивился, ведь уже видел в больнице, какой Чжоу Шо супер-папа.

Многое в этой жизни было не так, как в прошлой.

Внезапно перед ним оказалась соломинка. Гу Бай смотрел на него в ожидании:

— Аоао, держи, этой соломинкой я не пользовался.

Лу Ао взял бутылочку и хлебнул.

— Вкусно? Чай с молоком — это супервкусно! Старшие братья и сёстры в школе его очень любят.

— Нормально.

В этот самый момент Чжоу Шо вышел из своей чайной и издали сделал Лу Синъюаню знак рукой...

Молоко, а не чай с молоком. Два маленьких простофили никогда не пробовали настоящего чая с молоком и не почувствовали разницы.

Выпив молоко, Лу Ао подошёл к Лу Синъюаню:

— Скажите, пожалуйста, можно я возьму пачку «Мими»? Гу Бай угостил меня чаем с молоком, и я тоже должен его чем-нибудь угостить.

Лу Синъюань спокойно сказал:

— Ты же управляющий, тебе решать. Но после еды выпьешь стакан воды.

— Хорошо.

Лу Ао взял пачку «Мими», и они с Гу Баем стали её делить.

Поев, оба малыша принялись играть на тротуаре перед супермаркетом, где их видели оба родителя.

Гу Бай придумал игру «Топай по плиткам»:

— Вот смотри, мы ходим только по плиткам, а щели между ними — это «мины». Наступишь на мину — ба-бах! И ты проиграл.

Лу Ао его поправил:

— Щель — это просто щель, стык между плитками тротуара. Она не может вдруг стать миной.

— Это же понарошку! Это игра! — Гу Бай в отчаянии затопал ножкой.

— Тогда ты наступил на «мину», — указал Лу Ао на его ногу. — Бах! Взорвался!

— Я ещё не кричал «старт»! Аоао, ты маленький негодник!

— Ага, — Лу Ао засунул руки в карманы, чувствуя себя безнаказанным. — Ты только сейчас об этом узнал, Гу Бай?

— Давай заново.

— Тогда этот раунд засчитан за мной.

— Ладно.

Два малыша увлечённо играли на улице, и время пролетело незаметно.

Только когда Чжоу Шо высунулся из окошка чайной и позвал Гу Бая домой обедать, тот неохотно помахал Лу Ао на прощание:

— Аоао, пока-пока. Я поем и опять приду играть.

— После обеда я буду занят — буду продавать товары.

— Тогда я приду помогать тебе продавать! Пока-пока!

Гу Бай уходил, оборачиваясь через каждые три шага. Лу Ао вдруг что-то вспомнил, подбежал к Лу Синьюаню и спросил:

— Папочка всё ещё не встаёт?

— Папочка немного устал, пусть поспит подольше.

— Но нельзя же всё время спать, это полное отсутствие предприимчивости! Пойду разбужу его!

Едва сказав это, Лу Ао помчался наверх. Лу Синьюань, что было с ним редкостью, растерялся и бросился вдогонку:

— Лу Ао, не кричи громко, позови его тихонько.

— Понял.

На третьем этаже царил тишина, не было слышно ни единого звука. Лу Ао тихонько приоткрыл дверь в спальню, вошёл и негромко позвал:

— Папочка? Цзян Чжиюй?

— М-м? — Цзян Чжиюй сонно открыл глаза. — Который час?

— Уже без пятнадцати двенадцать!

— Правда?

Лу Ао серьёзно заявил:

— Как управляющий, я обязан зафиксировать твой прогул сегодня. Ты даже не поиграл со мной.

— Маленький негодник, — Цзян Чжиюй обнял одеяло, всклокоченный, и сел на кровати. Лу Синьюань тоже принял серьёзный вид:

— Как владелец, я обязан отметить твои усердие и отличную работу вчера.

— Большой негодник, — Цзян Чжиюй улыбнулся, машинально потёр поясницу, а затем протянул руки к Лу Синъюаню.

Лу Синъюань понял намёк, тоже протянул руки, подхватил его и понёс в ванную умываться.

А в это время Лу Ао привлекло внимание фото на тумбочке у кровати папы и большого папы. На фотографии были двое старшеклассников в белых рубашках. Лу Ао нахмурился, подошёл поближе и стал внимательно разглядывать.

Два старшеклассника — один повыше, другой пониже — стояли очень близко. Старшеклассник пониже держал в руках букет подсолнухов, сияя улыбкой, обнажающей восемь белых зубок и две маленькие ямочки на щеках. Старшеклассник повыше ничего в руках не держал, но за спиной у него висело два школьных рюкзака. Он слегка склонил голову, внимательно глядя на того, кто был рядом.

На рубашках обоих были нашивки с эмблемой школы, но качество фото было невысоким, и разобрать, какая именно школа, не удавалось. Однако Лу Ао почему-то показалось, что эта школьная форма ему знакома, будто он где-то её видел.

Из ванной доносился голос Цзян Чжиюя, который командовал Лу Синъюанем:

— Лу Синъюань, причеши меня, умой меня, быстрее!

— Хорошо, — с улыбкой отозвался Лу Синъюань. — Прошу господина сяо Юя закрыть глазки.

Лу Ао в недоумении почесал голову. Он уже собрался уходить, как вдруг вспомнил...

Это же форма из Старшей школы соседнего городка! И вчера, и сегодня он постоянно видел учеников в этой форме.

Он резко обернулся, и тут же в голову пришла новая мысль: разве Цзян Чжиюй и Лу Синъюань не познакомились через сваху, не поженились по договору семей?

Почему же тогда они вместе учились в старшей школе соседнего городка?

Почему они вместе фотографировались?

Почему они были...

Так нежно привязаны друг к другу?

<http://bllate.org/book/13911/1225891>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662038>